

ГАМЗАТ
ЦАДАСА

Отсканировано
в марте 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бәрзәфцәг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд әрцүд
2014 азы мартыйы
сәрмагондәй паблик «Бәрзәфцәг»-ы
чиныгдонән.

<http://vk.com/barzafcag>

ГАМЗАТ ЩАДАСА

СТИХИ
БАСНИ
СКАЗКИ

Перевод с аварского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1966

С(Дар)2

Ц13

Вступительная статья

НАТАЛЬИ КАПНЕВОЙ

Составитель

ГАДЖИ ГАМЗАТОВ

Оформление художника

Л. СУШИЛИНОЙ

7-4-3

БЗ-66

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Не знаю, есть ли где-нибудь еще на свете памятник стихотворцу, подобный тому, что поставлен в горах Аварии народному поэту Дагестана Гамзату Цадасе.

У въезда в аул Цада бьет из водопровода в каменный бассейн хрустально-светлая ледяная струя. Над бассейном каменная кладка стены. Стена — постамент. На ней — высеченный из рыжеватого, теплого по тонам песчаника скульптурный портрет Цадасы. Это работа местного ваятеля-самоучки Али из Батлаича.

Памятник соорудили цадинцы после кончины поэта. Водопровод в Цада был проведен в 30-х годах по замыслу Цадасы, при его горячем участии. Гамзат сам намечал трассу, потом, как все, работал киркой, а когда стройка была завершена и цадинский колхоз устроил по сему случаю для всего района трехдневный пир, прочитал на празднике свои стихи:

Горную воду наука в аул привела!
Радуйтесь, женщины — жены, и сестры, и дочки!
Прочь уберите веревки с кувшинов своих,
Можете выбросить даже запасные бочки...

Видите, что может сделать простая кирка,
Если и воля, и руки народа — едины.
Всем уже ясно теперь: перед силой такой
Скалы развалятся, горные рухнут вершины.

Цадинцы воздвигли свой трогательный памятник не только поэту — строителю новой жизни. Кто бывал высоко в горах, тот

знает: вода — это жизнь. Когда ее несут за несколько километров на плечах в кувшине, драгоценна каждая капля... Немолчный говор воды и молчание камня сложились в легенду о человеке, который дыхание поэзии вкладывал в самые, казалось бы, скромные, будничные дела и который из суеты будней умел извлечь смысл высокой поэзии.

Биографию Цадасы (1877—1951) читатель найдет в его поэме «Моя жизнь». Поэма напечатана в книге. Это поэтическое жизнеописание, весьма точное по фактам (недостает в нем лишь последней, датированной 1947 годом, главы о войне,— она осталась непеределанной). Нет нужды в связи с этим, как мне кажется, излагать обстоятельства жизненного пути поэта словами прозы. «Моя жизнь» примечательна еще и тем, что облик Цадасы-писателя оживает в ней, как на автопортрете, в существеннейших своих чертах: улыбчивым, остроумным, озорным, насмешливым, гневно-ироничным. Смех — излюбленное поэтическое оружие Гамзата, и был он в этой области бесконечно изобретателен и разнообразен.

Но всего о себе Цадаса, конечно, не сказал, и не мог сказать. Естественно, не говорит он о том, как много сделал за свою долгую творческую жизнь. О том, кем был и кем остается для своего народа...

Перебираю в памяти имена любимых певцов Кавказа: Кязима Мечива, Бекмурзы Пачева, Сулеймана Стальского. Это когорта сверстников Цадасы: мудрецы и воители, народная совесть, воплощение лучших качеств горского характера. Все они чем-то сродни Гамзату (о Стальском Цадаса в своих полных юмора «Воспоминаниях Гамзата о Гамзате» говорил, что они с ним «словно два коня, запряженные в один фургон»).

Но, пожалуй, ближе всего по той роли, какую он сыграл в истории народа, по разнообразию своей творческой и общественной деятельности Цадаса стоит к выдающемуся поэту Абхазии — Дмитрию Гулиа. Подобно ему, он оказал огромное влияние на

родной язык, заложил крепкий фундамент литературы, был воспитателем плеяды молодых писателей, стал на долгие десятилетия духовным наставником масс... И творчество Дмитрия Гулиа, и творчество Гамзата Цадасы поднялось на рубеже революции, революции обаяно своим расцветом. Время требовало и рождало в горах таких людей: борцов с социальной несправедливостью, ниспровергателей старины, просветителей, неутомимых общественных деятелей, многогранных художников.

Легко сказать, чего не делал Цадаса,— он не писал учебников, не преподавал в школе... Труднее перечислить все то, что он сделал. Он был крестьянином и ученым-арабистом, судьей и газетчиком. Заложил своими комедиями основы аварской драматургии и создал первые у аварцев книги для детей. Написал блестящие страницы, посвященные родной литературе, и был автором первых аварских басен. Он перевел на аварский язык «Руслана и Людмилу» Пушкина, пушкинскую лирику... В течение полустолетия формировал вкус своего читателя — от песни, притчи, сказки вел его к новым жанрам: к поэме, философской лирике, к стихам, психологически глубоким и сложным... По его басням поставлены мультфильмы. Строки из его сатирических стихов стали крылатыми выражениями. (Как в шутку сказал сын Цадасы — народный поэт Дагестана Расул Гамзатов: «Наши соседи считают, что все поговорки, прибаутки и пословицы вышли из селения Цада»).

Литературное наследие Цадасы обширно — более тридцати тысяч только стихотворных строк, а еще пьесы, рассказы, статьи, обращения, речи. Есть в этом наследии произведения, ставшие достоянием истории литературы, например, ранние сатиры, подобные диалогу «Дибир и хомяк», или агитационные стихи первых революционных лет. Ведь начало творческой деятельности Гамзата относится к 90-м годам прошлого века. Время ушло далеко вперед. Но лучшее из созданного Цадасой живо сегодня, современно, живет и борется, учит судить явления действительности нелицеприятным судом, будит критическую мысль.

...В те далекие годы, к которым относятся мои первые воспоминания о Цадасе, я многих людей узнавала через Эффенди Кашиева. Он работал тогда ответственным секретарем Дагестанской писательской организации, и в нашем доме пересекались тропинки, ведущие из гор к приморью, в Махачкалу.

Так было и с Гамзатом.

— Послушай-ка, что за удивительные стихи,— однажды сказал Эффенди (думается мне, это было летом 1934 года).— Имей в виду, они еще не печатались. Это подстрочник.

Стихи были и вправду удивительные. Озорные, грубоватые, но с прелестной лукавой усмешкой. И о чем же? О Москве. «Недостатки Москвы по сравнению с горным аулом» — так называлось стихотворение. Это было необыкновенно, непривычно! О родине, о Москве в ту пору засилия риторики и гремящих гипербол принято было писать в тонах приподнятых, одических. Говорить о любви задушевно, не повышая голоса, тогда в молодых литературах еще мало кто умел. Да и приравнивалось это чуть ли не к смертному греху индивидуализма.

А здесь вдруг к тому же еще и юмор! Восхищение Москвой, так сказать, «наоборот» — через высмеивание вкусов и пристрастий дремучего аульного обывателя. Персонаж этот, очень приверженный к старине и готовый обнажить кинжал против любого новшества, принесенного революцией, фигурирует во многих сатирах Цадасы 30-х годов. Он, этот персонаж, достоин особого критического исследования, которого, увы, пока нет. А написать такое исследование, право же, стоило бы, хотя бы потому, что обыватель, мещанин, в горных аулах живуч, как и всюду. Только рядится он нынче в иные одежды — поборника горской самобытности, защитника национальных традиций и так далее...

Вдвоем с Эффенди мы тогда же сделали литературный перевод «Недостатков Москвы». Переводили старательно. Все хотели сохранить точно, как у автора. А получилось... грамотно, тяжело-весно и совсем не смешно. Едкая соль гамзатовского юмора улетучилась. Остался лишь слабый привкус.

С переводчиками Цадасе вообще долго не везло. Ни смех его, ни тем более гневная желчь его сатиры не давались даже таким талантливым поэтам, как А. Архангельский — создатель превосходных эпиграмм и пародий.

Первым же, если не ошибаюсь, перевел стихи Цадасы на русский язык еще в 1933 году писатель Дзахо Гатусев. Это было стихотворение «Радиомачта на сакле соседа». Выбрал для него Гатусев размер гекзаметра:

Странно, ведь друг мой Хучпар шейхом не был.
В крышу его почему вбиты столбики?

Воистину работали тогда переводчики кто во что горазд... И все-таки даже под античной тогой угадывалась осанка горца, сквозь мерный ритм гекзаметра пробивался голос Цадасы, гул потрясенного революцией дагестанского аула.

Итак, о Цадасе я уже знала до того, как его увидела.

А увидела я поэта впервые осенью 1934 года, когда проходил Первый съезд писателей Дагестана.

Спустившийся из далекого высокогорного, не такого, как нынче, доступного Цада (о том, что туда будут ежедневно летать самолеты, никто и не помышлял, — даже и на машине добираться было не легко), Цадаса был крепок и кряжист, как горная глыба. Одет он был просто: серовато-коричневая рубаша домашнего сукна, с мелкими частыми пуговками у ворота, подпоясанная наборным кавказским пояском. Так одеваются и до сих пор пожилые люди в аулах, разве что рубашки теперь шьют из тонкого трико или шевьота. И этим Гамзат ничем не отличался от земляков. Лицо его, крупной лени, привлекало спокойствием, внутренней сосредоточенностью. Ему было тогда под шестьдесят. Человек из народа, познавший тяжелый труд, с лицом, обветренным, прокаленным вершинным солнцем. Такие лица словно рождены для скульптуры.

Это было время и счастливое и трудное для Цадасы. Только что вышла первая книга его стихов — сборник сатир «Метла адатов». Успех ее был так велик, что — неслыханное тогда в Дагестане

дело! — тираж тут же пришлось повторить. У себя на родине Гамзат уже давно был признан и любим. Но иноязычный читатель о нем почти ничего не знал. Стихи его переводились на русский язык редко. Отклики в печати появлялись и того реже... Всенародная слава Сулеймана Стальского, общий интерес к ашугу после Первого Всесоюзного съезда писателей в связи с известными словами А. М. Горького о нем, как о «Гомере XX века», как-то отодвинули Цадаса в тень.

Стезя сатирика никогда не была легкой. Но особенно нележкой была она в исторических условиях 30-х годов. Цадаса обличал уродливые пережитки старины. Но он бичевал также и недостатки, возникающие в современности: аморализм, нечистоплотность мелких людишек, примазавшихся к Советской власти; хапуг, обывателей, бюрократов, самодуров, презирающих «простого человека». Многие из его обличительных стихов знала наизусть вся Авария, но напечатаны они были лишь двадцать лет спустя после того, как поэт их создал.

В годы, когда некоторые художники слова склонялись перед силой обстоятельств и, не чувствуя в душе радости, слагали одни гимны радости, Цадаса был верен себе. Обиды и боли за себя и за трудности, переживаемые народом, конечно, оставляли шрамы на его сердце, ибо сердце поэта — легко ранимая цель. Ранимая, если даже сам он кряжист и крепок, подобно горной скале. Но Гамзат был тверд в своих творческих убеждениях. Дстойное хвалы он воспевал, потому что не был слеп и отлично видел то новое, доброе, что множилось, расцветало вокруг. Но с тем, что считал должным искоренять, он героически боролся и «метлу» свою не выпускал из рук, не сменил на кисточку, рисующую лишь розовой краской.

О более поздних встречах. Было их не помню уж сколько. Я начала писать книгу о Цадасе. Мне сделалось дорого и близко все касающееся поэта. Но у памяти свой выбор. Особенно запом-

нились мне две встречи, состоявшиеся с перерывом одна после другой.

Конец октября или начало ноября 1946 года. Хмурым, ненастным, пронзительно-холодным днем мы приехали в районный городок Хасавюрт. Мы — это несколько писателей; среди них Цадаса, самый старший, и я — единственная женщина. Нас пригласили выступить перед читателями.

Выступление было назначено на вечер. День этот показался мне очень долгим. Все было пронизано холодом: низко нависшее небо; улицы; ветер, крутивший столбы пыли... Холод был во мне. Всего несколько лет прошло, как умер на госпитальной койке Эффенди Капиев... Посадки в Дагестан, встречи с друзьями — его и моими — были мучительны.

Вечером мы выступали в настывшем клубе, битком набитом оживленной, заинтересованной читательской публикой. Всех встречали хорошо. Но когда поднялся на фанерную трибунку у края сцены Гамзат, зал взорвался шквалом хлопков. Хлопали неистово, долго. Кричали из зала названия стихов. Просили читать еще. И Цадаса читал. Читал совсем просто, будто с домашними беседовал; без привычных у поэтов, заранее обдуманых модуляций, без подчеркивания голосом особенно удавшихся строк; может быть, именно потому читал очень хорошо!

Потом был ужин с застольной беседой, тостами, приветственными речами гостеприимных хозяев. Ужин затянулся. И когда очередной оратор вдруг застрял в сплетении пышных фраз, Цадаса, вздохнув, сказал про себя, но довольно громко:

— Не открывай дверь, если не умеешь закрыть!

Все шумно засмеялись, задвигались. Скопфуженный оратор сел. И стало ясно, что люди устали, и ужин кончился.

Но все это вот к чему. В суете и встречах этого длинного дня один Гамзат отцовскими глазами заметил мою невысказанную печаль, мою боль.

В гостинице он постучал ко мне сразу же по возвращении и спросил озабоченно:

— Холодно? — И, медленно подбирая русские слова, но чисто их выговаривая, добавил: — Тебе крепко спать надо. Спи!

...И снова студёный вечер, на этот раз январский. Зима 1948 года. Мы с народным художником Дагестана Муэтдином Джемалом в гостях у Гамзата в огромном многоэтажном доме на улице Ленина в Махачкале.

Для Цадасы давно уже пришло время заслуженной славы. Несмотря на свой преклонный возраст, он много трудился. Война показала, сколько духовных сил у него в запасе. Раскрылась новая сторона его дарования. Он создал вошедшие в быт лирические песни, письма-послания, плачи, прославления героев... Воины присылали ему с фронта просьбы сочинить песню на случай рождения сына или в подарок невесте, и Цадаса охотно откликался на такие «заказы». А когда переписка его с фронтовиками выросла и отвечать всем старик был уже не в состоянии, он предложил выпускать открытые письма «Дагестан своим фронтовикам». И письма эти, подобные маленьким лирическим газетам, регулярно выходили в Дагестане с 1943 года на семи языках дагестанских народов.

Последние годы жизни Цадасы — время высокого творческого взлета. С 1946 по 1951 год он создал более ста стихотворений, три комедии, перевел «Руслана и Людмилу», написал исследование об аварской поэзии...

Но вернусь к 1948-му... Мы сидим не в кабинете Цадасы (там прохладно), а в жарко натопленной кухне. Горит плита. Топится она не дровами и не углем, а газом. Прямо в дверцу плиты введена форсунка, и газовое пламя гудит и рвется в топке красной бешеной струей.

Возле накрытого стола неслышно движется Хандулай, жена и верный друг поэта. Она вся в черном. Черный платок низко наклонен на брови. В семье еще свежа страшная рана — потеря на войне двух старших сыновей... Хандулай не принимает участия в беседе. Лишь изредка Гамзат обращается к ней с короткими тихими словами.

Вкусно тянет жирком вяленой баранины, шипящей на сковороде. Нас угощают также твердой плоской горской колбасой, пахнущей пряными травами... Беседа течет неторопливо. Джемал переводит мне ее смысл. Говорят больше они двое. Я сижу, пригревшись, исподтишка разглядываю поэта и думаю, как прекрасна, как плодотворна бывает старость...

А Джемал тем временем завел длинную речь о горских сказках. Это тема, равно близкая и ему и Гамзату. Сказка для них — источник сюжетов, а еще больше — мудрости.

— Есть у меня давнее желание, — говорит Джемал, — записать когда-нибудь все те сказки, кумыкские, аварские, какие слышал от отца с матерью в детстве. Наберется на целую книгу. К ней я мечтаю сделать рисунки. Я каждый рисунок вижу. Все продумал, выносил... Назову книгу «Золотой мячик».

— Почему, Муэтдин? — интересуется Гамзат.

— У кумыков сказка такая есть, — отвечает художник. — Рассказать?

Гамзат утвердительно кивает головой.

И Джемал рассказывает сказку о том, как жили-были два крестьянина, богач и бедный.

У богатого полон дом добра, но нет детей, и в доме тихо, как в могиле... А у бедняка по сакле ветер гуляет, да зато жена родила ему сына, которого прозвали они «Золотой мячик». И сам бедняк, и жена его с утра до ночи тетюшкали малыша, на руках пестовали. И в доме у них, не смолкая, звенел смех. «Почему весело у вас? Чем вы забавляетесь?» — не утерпела, спросила однажды с завистью богачка. «Мы золотой мячик подбрасываем», — ответила жена бедняка...

— Да, хорошая сказка, — задумчиво говорит поэт. — Дети, дети! От них все в жизни. И радость и горе.

И я догадываюсь, что он думает и о павших, и о тех, кто жив. Тот, кто теперь остался старшим, — Расул, идет по стопам отца. У него уже есть первые книги стихов. Он многое обещает, и отец многого от него требует...

Гамзат сутулится. Ему уже за семьдесят. Годы и горе сделали свое. Лицо его в крупных складках морщин. Морщины пересекли лоб, избороздили щеки. Они как трещины на камне — следы суровых морозов и грозových бурь.

Ничего, казалось бы, особо значительного не произошло и не было сказано в тот вечер в доме Цадасы. Почему же запомнился мне именно он? Ощущением тепла, уюта, той соборной силы, ума, той доброты, которые излучал Гамзат? Кто скажет?! Не знаю...

В столице Дагестана, там, где на главную площадь города выливается зеленая река Комсомольского бульвара, давно уже воздвигнут прекрасный в своей строгости бронзовый памятник народному поэту. Памятник этот торжествен, его создавал опытный мастер-художник, но он не спорит с тем, скромным, — над бассейном у въезда в аул Цада, — ведь оба они, только каждый по-своему, говорят об одном: о любви и признательности народа...

А я и теперь, годы спустя, когда мне случается бывать в Махачкале и проходить мимо памятника на бульваре, чаще всего вспоминаю лицо поэта таким, каким запомнилось оно мне в тот январский вечер, — озаренное отсветом огня, живое, полное мысли, доброты и силы. Лицо поэта — лицо народа.

И портреты точны, и скульптуры похожи,
Но не в них, неживых, я тебя узнаю.
В старике чабане, в каждом горце проходим
Вижу взор твой и вижу улыбку твою.
В каждом горце, я знаю, есть нечто такое,
Что всегда мне напомнит отца моего.
Ты, отец, был народом, и он был тобою,
Ты причастен к бессмертью его.

Это сказал о Цадасе Расул Гамзатов.

Гамзат Цадаса — классик дагестанской литературы. Его имя носят в республике улицы, школы, колхозы, Аварский государ-

ственный театр. Есть Педагогический институт имени Цадасы и его же имени Научно-исследовательский институт языка, истории и литературы.

...А я знала Гамазата Цадасу в жизни, и мне хотелось просто рассказать о нем, честном и смелом, сильном и добром человеке. Человек этот очень мало был озабочен собственной славой — и прижизненной и посмертной, — но много трудов приложил для того, чтобы жизнь своего народа сделать чище, разумней, красивей.

НАТАЛЬЯ КАПИЕВА

СТИХИ

МОЯ ЖИЗНЬ

1. О ТОМ, КАК СОВА СВИЛА ГНЕЗДО НА НАШЕМ ДОМЕ

Я рожден от Магомы в несчастливом, бедном доме.
Обветшалая плита нашу саклю покрывала.
Сын Юсупа, Магома, жизнь окончил на соломе,
Умер, так и не узнав, что такое одеяло.

День рожденья моего позабыт в родном ауле.
Трижды двадцать и один — возраст мой. Я буду краток:
Если вычесть двадцать два, те, что силу в грудь вдохнули,
То придется на царя отнести годов остаток.

Было мне семь лет, когда белый свет отец отринул,
Умер, так и не узнав про нательную рубаху.
Шесть сестер, старуху мать на меня отец покинул,
И теперь во всей семье только я носил папаху.

Дом родной осиротел. И сова на нем в то лето
Поселилась: то была нехорошая примета...

2. О ТОМ, КАК СТАЛ УЧИТЬСЯ

Минуло мне десять лет, начал я учиться в школе,—
Дядя мне помог: меня отдал он в аул соседний.
По-арабски, нараспев, что-то кадии мололи,
Сообщая нам свои удивительные бредни.

В те года хороших школ мы не знали, нищих дети,—
Не было учителей, классов не было в помине.
Каждый день один урок нам давал мулла в мечети —
Слов бессмысленных набор,— он противен мне поныне.

Мы готовили ему в тлеющей золе кизячной,
Голодной мечетских крыс, шли на промысел старинный:
Только пятница придет — побредем толпой невзрачной,
Просим милостыню мы, вскинув за плечи хурджины...

В месяц раз мулла муки выдавал нам понемножку,
Каждый школьник в бурдюке свой запас хранил отдельно
И отметку оставлял, не доев своей лепешки...
Вот какая жизнь была, и была она — смертельна!

Так провел я десять лет — мол, наукой занят сладкой,
А потом из Тляроты я сплавливал плоты и бревна;
В Грозном проработав год, заболел я лихорадкой,
Муку страшную терпел я четыре года ровно.

Много времени прошло — мало получил я знаний.
Я прислуживал своим соученикам богатым.
В час урока обо мне забывал мулла заране,
А придет работы час — посылает за Гамзатом.

Знаний жаждала душа, я мечтал о жизни вольной,
Проклинал бесчестных мулл, проклинал свой жребий рабский,
Не вкусил я, не познал сладости науки школьной,—
Обучал меня мулла, сам не знавший по-арабски.

3. О ТОМ, КАК Я ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

«Без вести пропал отец. Странник, горя избежишь ли?» —
Так сказав, за ним пошла мать, найти его желая.
Сестры? Умерли одни, а другие замуж вышли.
Над моим родным жильем реяла воронья стая.

О заброшенной земле, двадцать лет не знавшей тука,
О хозяйстве, двадцать лет погибавшем без скотины,
Весть ко мне пришла. И я, говоря: «Прощай, наука,
Труд земли меня зовет!» — возвратился в дом пустынный.

За руку детей вода, упрекали, что я холост,
Жены сверстников моих. Это было так обидно!
А товарищи мои все в один кричали гóлос:
«Ты жениться опоздал! Бобылем умрешь, как видно!»

Не подумайте, что я был в те годы против брака,
Но со счастьем — вот беда! — разминался всякий раз я.
О женитьбе, о семье думал я давно. Однако
В четырех домах подряд получил уже отказ я.

Правду молвить, у невест были две на то причины:
Первая — мой малый скарб, а вторая — нос мой длинный.
Каждый, кто арабский знал, находил супругу скоро,
Ну, а я стихи слагал,— не было страшней позора!

Тут я принялся гадать. И принес мне клевер вести
Обо мне и Хандулай. Я любовь постиг впервые.
С той поры две головы стали думу думать вместе
И работать вчетвером стали руки молодые.

Двери смастерили мы, а заслон убрали низкий.
Наверху, взамен совы, поселилась голубица.
Был в ауле номер мой вписан в домовые списки,
И крестьянина трудом стал я на земле трудиться.

4. О ТОМ, КАК Я СДЕЛАЛСЯ МУЛЛОЙ

Вот пришли ко мне друзья, просят: «Сделайся муллою».
Трудно было отказать, согласился без охоты.
Но хотя муллою стал, крепко связан был с землею,
Не присваивал себе я плодов чужой работы.

Я находчивым пером помогал в делах судебных,
Бедным помогал в нужде и всегда вставал с восходом.
Избегал я хитрых мулл, их проделок непотребных,
Радость, и печаль, и труд честно я делил с народом.

Мало получали мы от земли неплодородной.
Год засушливый настал, он измучил нас жестоко.
Исполнителем я был избран волею народной,
Я цадинцев охранял пашни как зеницу ока.

Выбирали пастуха. Я сказал родному люду:
«Не хочу я быть муллою, лучше пастухом я буду!»
Не нагуливал я жир, слыша всюду плач и стоны,
Не опутывал я мир, облачась в халат зеленый.

5. О ТОМ, КАК Я СЛУЖИЛ НАРОДУ

Я не шел тропкою зла, я не шел путем обманов,
От несчастья ради мзды не писал я талисманов.
Я, наследство разделив, оставлял добро сиротке,
Не молился я, шепча и перебирая четки.

Глядя бороду свою, не стремился я к поборам,
Я народ не оплетал хитроумным разговором.
Я живот не ублажал пищей сытной и хорошей,
Не обманывал людей, важным не был я святошей.

Над ученостью смеясь недоучек наших ловких,
Что затмение луны объясняли божьей карой,
Я не связывал, молясь, узелками на веревках
Пасти хищные волков, поживлявшихся отарой.

Чтобы напугать чертей, я не возносил молений;
Сабли, шкуры лошадей не таскал я вокруг селений;
Не обманывал людей, в яму всех сгоняя сразу;
Яму я не рыл в земле, чтобы отвести заразу.

В год, когда великий мор по земле пошел стопою,
Не кропил односельчан веник мой водой святою.
Я, чтоб засуху прогнать, чтоб ослабить зной до срока,
Не писал на черепках изречения пророка.

Я ругал лукавых мулл, я боролся с кулаками,
Бичевал я власть царя, корни чьи запахли гнилью;
На звериных языках разговаривал стихами,
Метким словом я грозил самовластью и насилью.

6. О ТОМ, КАК СТАРОЕ УШЛО В НЕБЫТИЕ

Ярый бешенства недуг овладел режимом старым.
Ханов темное нутро буйным вспыхнуло пожаром.
На труде своих рабов разжиревшие владыки
Обезумели совсем: трепет их объял великий.

Подпирали власть царя плеть, дубинка и оковы,—
Буря в царстве поднялась и снесла его основы.
Так в семнадцатом году, так в двадцатом веке славном
Стало знамя Октября нашим знаменем державным.

Люди были в эти дни словно волны океана,—
Силу мощную в себе ощутили мы впервые.
Сотрясались в эти дни даже горы Дагестана,
Рухнули в небытие наши цепи вековые.

7. О ТОМ, КАК МОЙ ДАГЕСТАН ОКАЗАЛСЯ В ПЛАМЕНИ

Ханы, беки и князья, чтобы завладеть умами,
Стали сеять семена глупостей, клевет, обманов.
Ненавистный Нажмутдин объявил себя имамом,
Жег поля Узун-Хаджи, грабил горцев Алиханов.

Ханы, беки и князья вместе с кучкой сумасбродов
Распри сеяли среди поднимавшихся народов,
Тем и этим посулив бесконечные посулы,
Друг на друга натравив дагестанские аулы.

Говоря: «Пришел конец большевистскому деянью,
Надо взять нам Порт-Петровск!», звали к подлому восстанью;
Чтоб сберечь свое добро, чтоб их власть осталась в силе,
Всех обманутых людей темной ночью истребили.

Видя, что страна в огне, турки, устремясь к удаче,
Малым войском в краткий срок овладели Дагестаном;
Атаманы обмануть силились народ казачий,
Руку власти бек и хан протянули атаманам.

Как стакан передают собутыльники друг другу,
Так один бандит и вор власть передавал другому.
Но, бандитов истребив, турок оттесняя к югу,
Партизаны с гор сошли к морю, Каспию седому.

8. О ТОМ, КАК ПОБЕДИЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
И Я СТАЛ ЕЙ СЛУЖИТЬ ЧЕСТНОЙ СЛУЖБОЙ

Красной Армии бойцы разогнали мироедов.
Банды белых разбрелись, нашего свинца отведав.
Три зимы и три весны люди прожили в тумане.
Наконец желанный день прояснился в Дагестане.

Не видать огня вражды, не слышать и Нажмутдина:
Чтоб Советы защитить, слились горцы воедино.
Стал трудиться я пером ради славы Дагестана,
Горцам песенным стихом помогая неустанно.

Я воспел в своих стихах Красной Армии героев.
В Темир-хан-Шуру меня вызвал большевик Хизроев,—
Редактировал тогда он аварскую газету,
Он в газете место дал большевистскому поэту.

Всё, чем жил родной народ, было близко мне, знакомо;
Стал работать я в суде, стал я членом исполкома,
Стал в газету я писать, вел с народом разговор там...
Дожил до большого дня я в году тридцать четвертом!

9. О ТОМ, КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
ВОЗДАЛА МНЕ ПОЧЕСТЬ

Я в столицу вызван был телеграммой. В светлом зале
Грамоту вручили мне и стихам рукоплескали. .
Из печати в первый раз вышло строк моих собранье,
Я народного певца получил святое званье.

Звание певца любви мы присвоили Махмуду,
Был он пленником любви, и скитался он повсюду.
О любви к чужой жене пел он, верен старым струнам,
Он пошел путем Чанки, он соперничал с Меджнуном.

Не лежит моя душа к песнопениям любовным,
Я хочу служить стране словом грозным, полнокровным,
И, заглядывая вдаль, я всегда мечтал, чтоб слово
Камнем истины легло на обычаи былого.

Нашей древней пандуре, запыленной и замшелой,
Третью придал я струну, чтоб звенела песней смелой;
Я менял на все лады наших слов расположенье,
Внес иной, певучий строй в старое стихосложенье.

Сам не знаю, как во мне страсть возникла к стихотворству,—
С детства эта страсть сильна, сам дивлюсь ее упорству.
Сам не знаю почему, но, когда пишу я другу,
Все мое письмо — в стихах: легче так писать ашугу.

В первый раз я сочинил про соседа и собаку.
Наскочил, как видно, я на задиру, забияку:
Мой сосед меня таскал по судам, и наша ссора,
Должен правду я сказать, кончилась, увы, не скоро.

В сочинении втором вел беседу я с харчевней:
Сам хозяин пожелал, чтоб о ней сложил я строки.
Но хозяин обомлел: тут же, перед всей деревней,
Я харчевню осрамил, обнажил ее пороки.

И хозяин подарил мне коня, седло, подпругу,
Умоляя: «Замолчи!..» Но нельзя молчать ашугу.
Слово, вылетев из уст, перевалит через горы,
И стихи мои ушли в неоглядные просторы.

Так, охотясь на врага, брал из жизни я добычи.
Сочинял я про людей, но язык звериный, птичий
Людам вкладывал в уста: этих песен враг боялся,
А народ, их подхватив, веселился и смеялся.

Прежде не ценили нас, а для песен были тюрьмы.
Нам кричали: «Не пиши!..» Сколько выдержали бурь мы!
И пока Октябрьский свет не взошел над саклей горца,
В униженье вечном был горький жребий стихотворца.

Только после Октября зазвенела песнь в Отчизне,
И на кончике пера появился мед чудесный:
Песни новые сложил ваш певец о новой жизни,
В книги их собрал, и так подписал он эти песни:

Гамзат Цадаса.

СТИХИ О ХАРЧЕВНЕ

Что правда, то правда: любую затею
Исполнит богач, ибо деньги в чести.
Пословицу знаем: легко богатею
Заставить цветы и на скалах цвести.

Взгляните-ка: те, кто набили карманы,
Внушив обездоленным зависть и страх,
Открыли гостиницы и рестораны,
Желая прославиться в наших горах.

Продать бы участок и домик мой древний,
Открыть бы лавчонку и бедность убить!
О, если б, назло богачам, для харчевни
Я мог бы немного грошей раздобыть!

Завистником стал я, признаюсь вам, братья,
С тех пор, как харчевню завел Хаджияв.
Упорно богатством хочу обладать я,
На кухне его наслажденье познав.

С чего началось? На воротах лачуги
Увидел фанеру и надпись на ней:
«Есть деньги, приятель? Зайди на досуге,—
Большой интерес ожидает гостей».

«Ну,— думаю,— лес надо сплавить весною?»¹
Душа загорелась, как надпись прочел.
«Я чрево побалую пищей мясною!»
С папахой под мышкой в харчевню вошел.

Ко мне подскочили слуга с кашеваром,
На камне щербатом велели мне сесть.
«Немного терпенья,— воскликнули с жаром,—
У нас хорошо ты сумеешь поесть!»

Приносят мне суп — вы послушайте, люди! —
Соленый, как море, холодный, как лед.
Без сахара чай в деревянной посуде
С поломанной ложкой слуга подает.

Покрытое пылью и плесенью тесто
Подкинули мне вместо хлеба на стол.
Отличная пицца! Прекрасное место!
Не надо жалеть, что сюда я зашел!

Хозяин харчевни, да будь ты неладен,
Твой чай — это солью посыпанный мед!
А суп? До чего же твой суп непригляден,
Болотной водой от него отдает!

Навис потолок, словно своды пещеры.
Трепещешь: а вдруг на тебя упадут!
А стены из глины убоги и серы...
И это — порядок? И это — уют?

¹ Поговорка, соответствующая русской: «Куй железо, пока горячо».

Откажется лошадь, сгорая от жажды,
От этого супа: в нем столько червей!
Прокившего хлеба отведав однажды,
Заплачет осел о судьбине своей.

Пусть лучше в тюрьму меня бросит чиновник,
Чем в этом хлеву мне пиры пировать,
Пусть лучше в меня злобный выстрелит кровник,
Чем в этом хлеву мне чай распивать!

Как только я встал, подбежал ко мне сразу
Хозяин: «Скажи мне, хорош ли прием?»
«В глаза не хвалю, чтобы не было сглазу,
Но соли — обилие в супе твоём.

Я жил в городах, посещал я деревни,
Меня и на празднества звали не раз,—
Нигде я не видел подобной харчевни,
Нигде так живот не набил, как сейчас.

Мне чай подавали в стаканах стеклянных,
А ты, молодец, подаешь в деревянных,
В тарелке друзья подавали мне суп,
Ты — в глиняной кружке: не так ты уж глуп!

Бывает и мясо в тарелке, я знаю,—
Увы, позвонками твой суп знаменит!
Везде предлагали мне сахару к чаю,—
Ты думаешь: сладость мне вред причинит.

И правильно: разве на праздник пришли мы?
Не люблю — не ешь, возвращайся назад!
Не свадьбу же сын твой справляет любимый,—
Кому не по нраву, пусть дома едят!»

Я выйти решил, но хозяин и слуги
Вскричали: «Плати нам за суп и за чай!»
Едва только двери открыл я в испуге —
Схватили за шиворот: «Деньги давай!»

Затылок тогда почесал я, признаться,
Хотя не чесалось в затылке ничуть.
С последней копейкой пришлось мне расстаться...
Эх, брюхо вспороть бы и пищу вернуть!

Не денег мне жаль, — мне обидно и горько,
Что в горле застряла хозяйская корка;
Не злюсь я на бедность — давно к ней привык, —
Мне жаль, что от супа — в ожогах язык!

К чему мне богатство, добытое всюду,
Где подлость царит, где неволя тяжка?
Завидовать мелкой душонке не буду,
Что нагло жиреет за счет бедняка.

1897

МАХАЧ ДАХАДАЕВ¹

Метким словом разил ты насмерть врагов,—
Не забудут тебя потомки, Махач.
День, когда ты пришел в аул бедняков,
Был весенним могучим потоком, Махач.
Ты взошел на вершины гимринских скал,—
Погребальный в домах у богатых плач.
Грозной битвы твоей огонь засверкал,—
Свет померкнул в глазах у врага, Махач.

Было имя твое и слово твое
Тверже стали, острее клинков, Махач.
Ты обрушил лавиною на зверье
Волю партии большевиков, Махач.

Дагестана ты крепко кованный щит,
Гордость горца, трибун бедноты, Махач.
В черный час трусливым убийцей убит,—
Вечен в сердце республики ты, Махач!

1919

¹ Махач Дахадаев — революционер, организатор бедноты в годы становления Советской власти в Дагестане; погиб в 1919 году от рук деникинских палачей. Его именем названа столица Дагестана — город Махачкала.

РАДИОМАЧТА НА САКЛЕ СОСЕДА

Что за шесты у соседа Хочбара? ¹
Разве он шейх? Или все мы обмануты?
Нет у Гимбата к циркачеству дара,
Так почему же канаты натянуты?

Прямо направлены к небу, не так ли?
С кем же сосед мой решил разговаривать?
Иль на канате, висящем над саклей,
Славу танцора он хочет оспаривать?

Может быть, он телефон себе ставит?
Что же его мы не спросим, хозяева?
Может быть, он телеграф себе ставит?
Нет, в небеса вознеслись провода его.

Может, полна голова его вздору?
Может быть, думая: это — безделица,
Новую хочет он строить контору?
Впрочем, быть может, нужна ему мельница?

Или пред нами — невиданный провод,
Лампа берет от него электричество?
Или — найдется для этого повод —
Звезд пожелал он измерить количество?

¹ Шестом на кровле отмечалось жилище шейха (главы религиозной секты).

Трудно Гимбата невеждой представить:
Там, на заводах, увидел он многое.
Техник его навестил неспроста ведь...
Лучше отбросим суждение строгое.

Вот и Гимбат появился с друзьями.
«Доброе утро! Быть может, откроешь ты —
Мы разобраться не в силах тут сами,—
Экое чудо над саклею строишь ты?»

«Э, кунаки, не мое это чудо,
Выдумка техники необычайная,—
Чтобы стекались в Хунзах отовсюду
Новости непознаваемо-тайные».

«Шест да канат... Это даже обидно.
Не понимаем такого мы довода.
Что ты? Столбов на дороге не видно,
Как же придет телеграмма без провода?»

«Слушайте: музыкой слух оживится.
В дальней Москве заиграет гармоника
Или споет в Ленинграде певица,—
Голос дойдет до любого поклонника.

Тот, кто остался глупцом и невеждой,
Плюнет, назвав эту выдумку сказкою.
Тот, кто не смотрит на школы с надеждой,
Плюнет и прочь отойдет, да с опаскою.

Между отставшим и дальше идущим
Взглядом нельзя охватить расстояния.
Вся революция дышит грядущим,
И обнажается дно мироздания.

Вы позабыли, как встарь отправлялись
Наши отцы в путешествие дальнее:
Долго по каменным тропкам скитались,—
Нет, не видал я картины печальнее.

Ныне в ауле, когда-то забытом,
Ставят над саклею звонкое радио.
Летчик вздымается к звездным орбитам,
Разум свой связью с вселенною радуя».

1927

ЧОХТО

Гостья приехала, — в дом не влезает.
Дети в испуге бегут врассыпную.
Конь удирает, узду разрывает,
Женщину эту завидев чудную.

Дети мои, вы гостям были рады,
Что ж вы в испуге бежите от гостьи?
Верный мой конь, отдохнуть тебе надо,
Что ж ты трясешь свои старые кости?

Гостья-красотка застыла в смущенье
В черном чохто — словно ящик почтовый.
Длинный платок — таково мое мнение —
Придал ей сходство с палаткой торговой.

Только когда проживет трое суток,
Гостя мы просим назвать свое имя.
Славный обычай, но мне не до шуток:
«Кто ты? Обрадуй словами своими!»

«Я Патимат из Анди, и дорога
Выпала мне до Хунзаха прямая.
Имя твое мне известно немного,
Вот почему в твою саклю пришла я».

«Кто, как не ты, мне ответит на это:
Шея твоя почему искривилась?
И почему ты,— прошу я ответа,—
Бледной, измученной к нам заявила?»

«Шея согнулась? Как тяжело ей, бедной!
Груз ее давит,— ужасное дело!
Как не казаться измученной, бледной:
Видишь, какое чохто я надела».

«Как же ты по мосту шла без опаски?
Рухнуть он мог!.. Ты скажи мне на милость:
Если ты к нам прикатила в коляске,
Как же в коляску чохто уместилось?»

Ты не замерзла, равниной шагая?
Вместе с чохто не свалилась ты в речку?
Знаю, за мостом жарница такая,
Будто попала в горячую печку.

Вряд ли сама ты чохто надеваешь,—
Люди на помощь тебе прибегают.
Вряд ли и на ночь сама ты снимаешь:
Родичи, сорок числом, помогают.

В этом мешке тебе долго ль томиться?
Мы превратим его в парус для лодки.
Сшей себе лучше платочек из ситца,
Тонкая шаль — украшение молодки».

«Против адата пойти не могу я,
Не опозорю аул я андийский.
Если надену одежду другую,
Будут терзать меня дальний и близкий».

«Есть у нас в каждом ауле адаты,
Все они дики, и все они плохи.
Вот, например, есть обычай проклятый:
Саблями люди сражаются в Чохе ¹.

Водят иные вкруг поля барана
Или быка запрягут перед вспашкой,
Ранней зимой ². Это глупо и странно.
Ну-ка, сама поразмысли, бедняжка!»

«Нет, никогда я адат не нарушу,
Это чохто никогда я не сброшу,
Я не хочу осквернять свою душу,
Буду таскать я привычную ношу.

Кто моему посочувствует горю?
Видно, в адате — огромная сила.
Как же аул я родной опозорю?
Буду носить я чохто, как носила!»

«Слушай, Пати: нет к былому возврата.
Видишь ты нового мира сиянье?
Освободи же себя от адата:
Наши законы — свобода и знание».

1928

¹ В ауле Чох существовал обычай грозить саблями в сторону соседнего аула Ругуджи; причину этой вражды уже никто не помнит.

² Древние обряды, связанные с молением об урожае.

СЛОВО О КРОВНОЙ МЕСТИ

«Кровь нигде не высыхает,
С нею честь не пропадет»,—
Поговорка не смолкает
И тревожит наш народ!

«Если ты свернешь с дороги,
Родовую месть презрев,—
Уноси отсюда ноги:
Ждут тебя и смех и гнев.

Если, кем-нибудь обижен,
Ты смолчать решил на грех,
Будешь всеми ты унижен,
Окружен презреньем всех.

Дикий, зверский тот обычай
Глупо доблестью зовут.
С удалством, с упрямством бычьим
Над людьми свершают «суд».

В Харачи я был, мой милый,—
На кладбище бросил взгляд.
Там, в безвременных могилах,
Все убитые лежат.

Тех, что умерли в постели,
Нет почти совсем среди них,
Семьи все осиротели
От кинжалов родовых.

Двое спорят, по досаде
Слово за слово зайдет.
И один уже в засаде,
За кинжал схватившись, ждет.

Упадет седло с балкона,
Друг прошел,— не обессудь!
И кинжалом обнаженным
Оскорбленный тычет в грудь.

...Харачи высокогорный,
Как хорош он, краше нет.
Воздух чист, ручьи проворны,
И целебен солнца свет.

На спине у Арак-Тау¹,
Заметая Койсубу²,
Там речушка протоптала
Средь камней свою тропу.

Там Хиндатль³ зеленый рядом,
Шелестят весной сады.
Все там есть, что людям надо,—
Сыр, и масло, и плоды.

¹ Арак-Тау — гора в Аварии.

² Койсубу — плодородная Унцукульская равнина на реке Койсу.

³ Хиндатль — собирательное название аварских аулов, расположенных в теплых горных долинах, где занимаются садоводством.

Пашни там, вблизи аула,
И, лаская взор людской,
Там сосна к скале прильнула,
Там — берез шатер сквозной.

Там бы радоваться впору,
Но, на горе и позор,
Не пшеницу, а раздоры
Люди сеют с давних пор.

Страшный, темный дьявол мести
Под людской забрался кров.
И во имя ложной чести
Друга друг убить готов.

Разорились, дом в забросе,
И семья не дорога.
А чего он хочет, спросишь:
«Смерти кровного врага!»

Взор его пылает злобой.
Не к добру аул притих,—
Редкий год проходит, чтобы
Не убили пятерых.

Сын еще лежит в утробе,
А отец уже убит.
Он растет в тоске и злобе,
«Кровь за кровь!» — он говорит.

Им мириться дико, странно,
Разве слыхано о том?
Как сочащаяся рана,
Мечь сжигает их огнем.

Замурованы проходы,
Двери заперты в домах.
Что спросить мне у народа?
Для чего вам жить впотьмах?

Даже ссор не мог терпеть я,
Тех, которым грош цена.
Длятся целые столетья
Эти распри, как война.

Я советовал Халиду
Пожалеть своих детей
И, врагу простив обиду,
В мире жить на склоне дней.

Поглядите на убийцу,—
Где-то прячется Гулдач?
Стал людей он сторониться,
Оттого что был горяч.

Распри дедов похороним,
Дорогие земляки.
Злую память рвите с корнем,
Уничтожьте сорняки.

Стали новыми порядки.
Что нам распри раздувать?
Людям нечего повадки
У зверей перенимать.

Звери дикие хвостаты.
И слова мои просты:
Наших прадедов адаты —
Это прошлого хвосты.

Если каждую обиду
Раздувать опять начнем,
К новой жизни мы не выйдем,—
К прошлой жизни повернем.

Наше солнце не затмится,—
Нас, друзья, культура ждет.
Распрей мрачные страницы
Ты развеешь, мой народ!

1928

РЕЧЬ СТАРУХИ В ДЕНЬ 8 МАРТА

Милые дочери! Слово я взять хочу.
Славить сегодняшний добрый день хочу.
Ненарушимые — вольных людей права
Радостным женщинам нашей страны даны.

Юные и свободные внучки мои!
Что это значит — можете ли понять?
Новое по достоинству оценить?
Прошное и теперешнее оглядеть?

Встретил меня Магома давным-давно —
Три десятилетия с лишним прошли...
Белое и черное узнать довелось...
Что осталось неведомым? — Смерть одна.

Мне в ту пору исполнилось десять лет...
Выдали за хозяина баранты.
Ясно помнится — мой отец говорит:
«Он из рода хорошего, он богат».

Разве юношей мало у нас в роду?
Часто взглядами провожали меня.
Разве не было сверстников молодых?
Разве друга сердца не выбрать из них?

Были уже стар супруг нареченный мой,
Не подружались его судьба с моей.
Всюду богатому привет и почет,—
Неимущая — разве пара ему?

Если где-нибудь встречному улыбнусь —
Будь он родственник,— улыбаться нельзя!
Если по воду шла, он и то следил,
Всех и каждого заподозрить готов.

Если вышла я воздухом подышать,
Он терзал меня по ночам в тишине,
Он словами позорящими хлестал.
Люди добрые крепко спали кругом...

Если жаловаться бежала к отцу,
Тот кричал: «Ты — замужняя! Хоть умри».
Соберешься ли с жалобами в Хунзах —
Прав останется, кто имеет стада.

Надрываясь, работала я, как мул,—
Не похвалит, не пожалеет старик.
Были тяжести не под силу ослу,
Что таскала я, только брань заслужив.

Оборвашкою он меня обзывал...
Разве бросишь приданое? Убежишь?..
Взял со временем он вторую жену,—
Вдвое стало мне тяжелее тогда.

В теплой комнате зимовали они —
Ветер хозяйничал в сарае моем;
Выше кровли у них поленница дров —
Мне и детям моим — саманный огонь,

Туши вяленые баранов у них —
Слезы горькие с горьким хлебом у нас...
Как забиты и тощи дети мои,—
Он смеялся язвительно с той женой...

Сколько так провела я зимних ночей
С плачущими на соломе детьми!
Сколько так провела я долгих ночей,
К люльке сонную голову приклонив!

Он кунацких ко мне посылал коней —
Чистить, выходить их приказывал мне...
Он захожих ко мне отсылал бродяг,
В саклю чистую не пускал меня.

Привезут ли друзья корзины плодов,—
Шли корзины к нему, а ослы — ко мне.
Со свежинкой придут ли с гор пастухи,—
Значит, мясо — к нему, пастухи — ко мне.

Если сам приезжал откуда-нибудь,—
Поглядели бы, как подарки делил!
Поснимает хурджины с коня: «Бери!»
Но хурджины-то ей, а седло-то мне.

Что, не нравится мне расседлать коня?
Добавлял охотно удар камчой.
Всякий раз привозил башмаки жене,—
Как была, босиком оставалась я.

Сколько шелковых подарил ей платков!
Шею не во что мне закутать зимой...
Я служанкой бесплатной ему была,
Как служанку, выгнал меня наконец.

Он развода страшное слово сказал,—
Невозвратное при мулле произнес.
Я невестой приданое ему принесла,—
Мне он к старости ничего не вернул.

Понапрасну я жаловалась мулле.
«Топорище, шутит, испачкал бычок»¹.
Все я думала, как покончить с собой,
Смертью дикой, безумною умереть?

Вниз бы ринуться головой со скалы,
Да расколется ли еще голова?
Не железная ли она, говорю,
Сколько палок он об нее изломал!

Сколько палок он об меня обломал,
О согбенную спину мою,— спроси.
Не под бременем ноши согнулась я,—
Это сгорбило бремя горя меня.

Рано волосы побелели мои,—
Думы тяжкие пали снегом на них...
Так прославим же тех, кто сбросил ярмо,—
Славен класс пролетариев — наш класс!

И да здравствует наш весенний день,
Женщины свободной страны!

1929

¹ «Топорище испачкал бычок» — поговорка, основанная на анекдоте. (Бедняк затеял тяжбу с богачом и, чтобы подкупить судью, подарил ему топор. Судья же решил дело в пользу богача, от которого получил в подарок бычка. Когда бедняк напоминает о топоре, судья произносит эту фразу о топорище, давая понять, что взятка богача была больше.)

РАЗГОВОР С КИНЖАЛОМ

ОБРАЩЕНИЕ К КИНЖАЛУ

Прошли времена, когда бремя
Душило грудь бедняка,
Но все еще мутны истоки
Жизненного родника.

И хоть озарила свобода
Долины родной страны,
Но корни адата у горцев
Еще глубоки и сильны.

Кинжал на боку человека
Висит, как жало, остер.
Мы знаем, кому ты служишь
В разгаре бешеных ссор.

Немало джигитов прекрасных
В могилу ты уложил,
Отцов, матерей несчастных
Отчаянием сокрушил.

Ты сколько сирот оставил,
Свершив безрассудную месть!
Кинжал, ведь ты же из стали,
А стали присуща честь.

Оброк получали ханы
За раны, что ты наносил.
Порядок старый уходит,
И ты бы с ним уходил.

Тебе здесь нечего делать:
Теперь не жало клинка,
А жатвенный серп и молот —
Народа мощь и рука.

ОТВЕТ КИНЖАЛА

Нашел себе поваляться
Пыльное место осел,—
Вот так же и ты со мною
Пустой разговор завел.

В потемках, вижу, ты бродишь,
Чужими глазами глядишь,
Оправдываешь виноватых,
А неповинных винишь...

Я крови людей не жаждал,
Но вырваться я не мог
Из рук, что меня держали,
Мой направляя клинок.

Хозяин мой кровной мезтью
И хмелем охвачен был,—
Но чист я останусь, хоть, злобный,
Он кровью меня обагрил.

О, если б быть первородным
Грубым железа куском!
В огне меня раскалили,
Мучили долго потом;

Как звезды, брызгали искры,
Молоты били, звеня;
В воде меня закалили,
Сдирали шкуру с меня;

На камне сталь отточили,
Оправили в рукоять,—
Назвали меня кинжалом
И вынесли продавать.

А я бы хотел быть плугом,
И молотом, и серпом,
Помощником вашим, другом,
А не убийцы рабом.

Несчастен я, обездолен.
Куда от беды уйду?
Врагом меня сам считает
Бегущий за мной в Куяду¹.

1930

¹ Куяда — аул кустарей-кинжальщиков.

ОБЫЧАЙ ГИДАТЛИНЦЕВ

Я бичевал обычай дурные,
Но в ссоре я ружья не заряжал,
Я с дикостью боролся, но впервые
Для этого хватаюсь за кинжал.

В Кахибе и Хунзахе, мне известно,
У девушек не спрашивал никто
О их желаньях. Замуж шла невеста
Без всякого согласия на то.

Но я не вспомню, память будоража,
Чтобы в кругу моей большой родни
У сыновей не спрашивали даже,
Кого мечтают в жены взять они.

А вот в Гидатле молодых заочно
Сосватают за выпивкой, потом
В условный срок, за час до тьмы полночной,
Пошлют невесту в незнакомый дом.

Она идет, она еще не знает,
Что ждет ее и что судил ей рок.
Стучится тихо и переступает
Холодный, неприветливый порог.

И здесь ей слышен жирной пицци запах,
Той, что готовят для духовных лиц...
И вот уже она у мужа в лапах,—
Мне жаль ее, как жаль в неволе птиц.

Она в слезах, но разве виноват он?
Нет, в этом виноваты старики:
Он был по их обычаю сосватан,
Любви своей, быть может, вопреки.

Порой, адату темному внимая,
Живут супруги долгие года,
Друг друга никогда не понимая,
В раздоре, словно пламя и вода.

1931

ПРОТОКОЛ

«Ну-ка разрешите мне
Слово взять в порядке справки:
Груз мы тащим на спине,
А ослы лежат на травке.

Как ослы, мы в гору кладь
Тащим, согнуты, горбаты,
И боимся поломать
Стародавние адаты.

Оттого, что гнуть должны
Спину на ненужном деле,
Не дожив до седины,
Многие уж облысели.

Попусту не тратя слов,
Нынче постановим строго:
Не жалеть своих ослов,
А себя жалеть немного!»

Голосует весь народ.
Все за предложенье это.
Но поспешно вдруг встает
Председатель сельсовета.

Говорит он: «Люди гор,
Не к лицу мне спорить с вами,
Мы должны, как до сих пор,
Жить и дорожить ослами.

Старики в былые дни
Нас не здоровее были,
А не на ослах они
Сено из долин возили.

Дай-ка мне, Гасан, ответ,
Почему ты не намерен
Делать то, чему твой дед
Был до самой смерти верен?

Не мешало б и тебе
Знать, Таиб, что вверх с делянки
На горбе, не на арбе
Твой отец таскал вязанки.

Да и твой отец, Шамхал,
Был ничем тебя не хуже,
А поклажу сам таскал,
Не боясь дождя и стужи!

Недостойно похвалы
Поруганье дел старинных,—
Пусть спокойно спят осла...
Будем кладь таскать на спинах.

С непослушных будем штраф
Брать в порядке наказанья...
В силу данных вами прав
Закрываю я собранье».

«Председатель, не спеши,
Рано закрывать собрание,
Ты мне сделать разреши
Маленькое замечанье:

Я хочу тебе сказать,
Что добились мы победы
Не за тем, чтобы опять
Жить, как жили наши деды.

Славословишь путь отцов,
Но подумай, верно ль это?
Не был же в конце концов
Твой отец председельсовета.

Дай ты, председатель, нам
Поскорее объясненье:
Почему ты лишь к ослам
Проявляешь уваженье?

В смысл твоих вникая слов,
Крикнуть хочется: «Приятель,
По вине каких ослов
Ты над нами председатель?»

1932

ОБРАЩЕНИЕ ГАЗЕТЫ «ГОРЕЦ» К ЧИТАТЕЛЯМ

Я — «Горец».
Так меня назвали.
Казалось бы, вопрос решен.
Но это правильно едва ли:
Я больше заслужил имен.

Фонарщиком меня зовите:
Иду я к людям с фонарем.
Я освещаю суть событий,
Несу я свет науки в дом.

Вы лекарем меня сочтете,
Я уподобился врачу:
У горцев я всегда в почете —
Я от невежества лечу.

Я страж законов,
Я глашатай
Коммунистических идей,
Учитель, не берущий платы,
Надежный друг простых людей.

Я сеятель. Я сею всюду
Добра и правды семена.
Известен бедному я люду,
И речь моя везде слышна.

Бедняк точить не любит ляды,
Меня по делу он зовет.
Не надо мне муки иль мяса,
Не нужен за конем уход.

Что говорить, удобный гость я!
Я рад хозяевам помочь...
Но вот кулацкое охвостье
Меня угробить бы не прочь.

Те, кто не любят правды слова,
Кому противен честный труд,
Мной накрывают сор столовый,
Меня на самокрутки рвут.

Но тот, кто ненавидит сплетни,
Тот, для кого безделье — стыд,
Тот любит свет все беззаветней,
Меня читает он и чтит.

1933

* * *

Убита куропатка белоснежная,
Могильным саваном укрыта пава.
Распустятся ль в садах бутоны нежные?
Завеленеют ли на склонах травы?

Не тосковал я раньше над легендою,
Где ищет Гагу верная Мадина.
Теперь в беде зову подругу бедную,
Я понял скорбь легенды той старинной.

Ты дразнишь вновь мое воображение...
Ты на земле следов не оставляла.
Твой голос птицы славили весенние.
Жаль — на земле ты пела слишком мало...

И, брови сдвинув, спрашиваю снова я:
Как, грудь жемчужную пробить осмеясь,
Сгубила пуля подлая, свинцовая
Певучий смех, весны цветущей прелесть?

Кто станет подражать неподражаемой?
Кому теперь достанется походка
Быстрее тени, ею же бросаемой?
Где стан благоуханный, голос кроткий?

Кладу на гроб я плиты изумрудные.
И над могилою стою в ознобе.
Засыпаны землею очи чудные.
Они — двух солнечных зеркал подобье...

Коль мать обидела тебя нечаянно —
Зачем со мною ты не поделилась?
Коль сплетнями соседок ты измаяна —
Зачем ты предо мною не открылась?

На солнце ясное гляжу угрюмо я:
Украло солнце яркий свет у милой!
Взойдет луна — и я, вздыхая, думаю:
Своей красой луну ты одарила!

Навеки ты похищена могилою.
Ты крепко спишь — а я не сплю, тоскуя.
Спокойна ты — а я страдаю, милая.
Ты не скорбишь — а я скорблю, тоскуя...

Глядела ты из-под платка приветливо,
И на тебя заглядывались люди:
Ты прядь со лба зачесывала светлого.
Кто эту прядь когда-нибудь забудет?

Теперь душа идет одной дорогою —
К надгробью, под которым ты уснула.
Я знаю: камня плачем не растрогаю,
Не буду ныть на улице аула.

Но знай, Зайнаб: всех благ мне драгоценнее
Твой взгляд, что навсегда запал мне в душу.
Он до смерти мне дан как утешение.
Тебе я клялся, — клятвы не нарушу.

Ты с утренней звездой меня покинула.
В окне лучи рассветные блестели..
Когда на щеки краска смерти хлынула,
Сжав зубы, ты привстала на постели.

Взглянув в глаза, коснулась ты руки моей,
Душа томилась, вырваться готовясь.
Два слова прошептала мне любимая,—
Они — во мне, как сердце и как совесть.

1933

ПЕСНЯ О ГИБЕЛИ МОЕГО КОНЯ

Я ною печали песни. Горе у меня.
Потонула моя лодка, только вышла в путь:
Потерял в Манас-ауле верного коня,
И тащу седло, и песней облегчаю грудь.

Говорят, людей ни разу дом не обманул.
А меня-то кто заставил ковылять пешком!
«Коль хорош кунак в ауле, так хорош аул».
Врет пословица! Ну есть ли капля правды в том?

Был готов навес прогнивший рухнуть каждый час,
Так еще повременил бы хоть один денек!
Все подпоры продержались, видно ждали нас,—
Что за вежливая кровля, кто бы думать мог!

Не кручинились гнилые балки да столбы,
Что они придавят душу тела моего.
Не расплакалась и кровля от чужой беды,
Конь мой был семьи кормильцем,— отняла его.

Ты, как серый волк, неволи, конь мой, не терпел,—
Как же враг тебя, лихого, в свой капкан завлек?
Разгрызал ты сталь зубами, был могуч и смел,—
Неужели от обвала ты спастись не мог?

Ты скакать умел на кручах неприступных скал,
Точно серна молодая прыгал с высоты,
Неподкованным копытом искры вышибал,—
Что ж, иль выхода из хлева не заметил ты?

Люди плачут, если градом покосило рожь,
Но мое добро живое не побил бы град!
Будут звать тебя лужайки,— только не придешь,
И, с тобой в разлуке, травы горько закрустят.

Чтобы плакать без помехи о коне лихом,
Брошу в угол хлыст и торбу,— не нужны вы мне!
Чтобы в горле не стояло горе, точно ком,
Буду петь седлу да сбруе песню о коне.

Седоки, которых часто скидывал он в грязь,
То-то радоваться будут гибели коня!
Тех, кто сыпал мало корму, бил он, осердясь,—
Эти тоже посмеются, увидав меня.

Если б день его кончины вычислить пришлось,
Множь на двадцать и четыре восемьдесят лет,
А потом прибавь тринадцать, три недели сбрось,
Вычти трижды три недели — и найдешь ответ.

1933

ССОРА

Эй, гляди-ка, Мустафа.
Взял ружье твой друг Курбан.
Не фазан ли ты, не гусь?
Не джейран ли, не кабан?

Почему же медлишь ты?
Где чеканный твой кинжал?
Шашка? Старое ружье?
Пистолет куда девал?

Говорит Курбан, что ты
Дважды был им побежден,—
Разве можешь ты стерпеть,
Чтоб кичился этим он?!

Допусти на пятку вошь —
Доползет до головы;
Растопчи ее скорей,
Не плоди худой молвы!

Чондотлинцы в сборе все,
Словно куры на току.
В брюхо, в брюхо бей, Курбан!
Целься, Мустафа, в башку!

Брюхо ль треснет иль башка?
Первой чья заплачет мать?
Ну-ка, снова, Мустафа!
Ну-ка, бей, Курбан, опять!

Дня не хватит — будет ночь,
Тьма и пенье петуха.
Дом врага сожжет Курбан,
Дом Курбана — Мустафа.

Брюхо стянуто ремнем.
Перевязана башка.
Побредут теперь куда
Два бездомных ишака?

1933

ОТЕЦ И СЫН О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОРОГ

О т е ц

Полжизни, сынок мой, у гор на груди
Дороги я строил. Ты сам посуды:
Когда бы не рушил могущества скал я,
Ужели таким бы морщинистым стал я?

Юнцом еще начал я гнуть свою спину:
Дорогу мы строили царскому сыну.
Нет больше царей у нас даже в помине,
Но служит дорога та людям поныне.

Я саженцы в горы таскал на плечах,
Чтоб зной не тревожил сардара в горах.
Давно позабыт он, правитель жестокий,
А листья деревьев шумят вдоль дороги.

Когда из Хунзаха, богатств не тая,
Невесту в Гоцоб отправляли князья,
Шоссе проложили мы под небосводом —
С приданым в Гоцоб заскрипели подводы.

Любила когда-то аульская знать
Богатых соседей к себе приглашать.
Чтоб было им ближе скакать на пиры,
Сносили порою мы четверть горы.

Князей имена навсегда позабыты,
А наши дороги в горах — знамениты.
Проносится время, как горные реки,
Но труд человека бессмертен навеки.

С ы н

За наши дороги в районе Гуниба
Тебе, мой отец, говорю я спасибо!

Но вспомни, отец, сомневался не ты ли,
Что смогут подняться к нам автомобили?
Смотри, как сегодня на наши вершины
Упрямо взбираются автомашины.

Где солнце терялось в скалистых отрогах,
Колонки с бензином стоят на дорогах;
Почти у орлиных заоблачных гнезд
Легли автострады на тысячу верст.

Мы рек поседелых смирили стремнины,
И трудятся реки, вращая турбины.
Мы, большевики,— вдохновенные люди,
Еще и не то нами сделано будет!

1934

НОВЫЕ ЗУБЫ

Хвост пришить бесхвостый вол
Вздумал в давние года,
Без рогов назад пришел:
Вот беда так уж беда!

Зубы вставить я решил
В поликлинике зубной.
Зубы вырвали врачи
И отправили домой.

«Без зубов домой ступай!»
Поглядите, земляки!
Рот пустой, как тот сарай,
Где гуляют сквозняки.

Зубы были как стена,
Что поддерживает свод.
Сразу рухнула она.
Опустел мой бедный рот.

Столько трудных длинных слов
Я с зубами говорил.
Трудно, трудно без зубов,—
Знал бы — больше их ценил.

С чем сравню я речь мою,
Что невнятна стала так?
Будто я в ладоши бью,—
Не понять меня никак.

Что-то шамкаю едва.
Где речей моих раскат?
Словно бусины, слова
С нитки порванной летят.

Не звучат стихи мои,
И десятки нудных фраз
Мельтешат, как воробьи,
Залетевшие в лабаз.

Я настойчиво прошу —
Поскорей займитесь мной,
А не то я напишу
В самый главный центр зубной.

Шкуры, содранной с вола,
Будет жалоба длинней:
Нехорошие дела
Просто мучают людей.

Хоть шумел я не всерьез,
Но слышали о том,
И на третий день пришлось
Мне явиться на прием.

Был мой рот — точь-в-точь лабаз
Для просушки кураги,
Зубы новые сейчас —
Жемчуга и огоньки.

Я все горести забыл,
Даже щелкал языком,
Зубы новые хвалил
Всем и каждому крутом.

Позавидовал я сам
Тем, кто знания достиг.
Благодарен докторам
До скончанья дней моих.

Руки ваши, словно пух,
Невесомы и нежны.
Вас хвалю от сердца, вслух,—
Пусть хвалы вам не нужны.

Чуток каждый жест, не груб,
Но уверен между тем.
И когда мне рвали зуб,
Больно не было совсем.

И жужжавшее сверло,
Залетевшее в мой рот,
Боли мне не принесло,
А скорей наоборот.

Наша власть пускай живет,
Пусть владычествует труд.
Обучается народ,
Мастера его растут.

Долгой жизни докторам,
Благодарность и хвала!
Посвящаю песню вам,
Иванова и Хала.

1934

В МОСКВУ, ТОВАРИЩУ

С тобой мы распрощались не без боли,
Пожали руки крепко, а потом
Я сердце по рассеянности, что ли,
Оставил в шумном городе твоём.

Как будто годы, тянутся недели.
Звенят ручьи в ущельях на бегу.
Живу в Хунзахе. Думаю о деле,
Но, веришь ли, работать не могу.

Сажусь писать — напрасное занятие,
Стих холоден, как звезды в синеве.
Как буду в исполкоме заседать я,
Когда оставил сердце я в Москве?

Я занят, друг. Не смог бы мне помочь ты:
В посылке сердце переслать сюда?
Дня через три его с ближайшей почты
Мне почтальон доставит без труда.

1934

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Перо, поднимайся, чернила, кипите,
Печальные думы хочу я излить;
Бумага, стелись предо мною, не медли,
Я горе с тобою хочу разделить.

Когда бы смогла ты вместить мои мысли,
Тебе я любую б ценой отплатил;
Когда б сохранила ты чувства правдивость,
Тебя бы навеки поэт сохранил.

Так взвейся полетом до самой столицы,
Легучею гостьей над городом рей,
Дорогу сумей отыскать на ту площадь,
Где высится Ленина Мавзолей.

До отчего слуха рассказ донеси ты,
Как дети его, выполняют урок.
На почве, возделанной им, об успехах
Ты вести ему донеси на порог.

Мы в небо взлетаем, в моря уплываем,
Природа покорна веленьям вождя,
Мы силу и волю свою укрепляем,
От замыслов к творчеству перейдя.

Ряды комсомола несут твое имя,
Заветы твои воплощая в веках,
Ряды пионеров в Отчизне цветущей
Идут по дороге большевика.

Творенья твои осветили всю землю,
Не умер — ушел ты, тебя не вернуть,—
Но вечно в сердцах миллионов народа
Ты жив, и бессмертен твой пламенный путь.

1934

О РАБОЧЕМ КЛАССЕ
(Побывав в Москве
на Автомобильном заводе)

До того как на завод
Я спустился с горных пашен,
Знать не знал я, кто кует
Нашу мощь, богатство наше.

Зная лишь свои края,
Где земля людей кормила,
Хлебопашцы, думал я,
Основная наша сила.

Ну, а тут я ковачей
Повстречал в суровой силе.
В блеске огненных печей
С громом их кувалды били.

Довелось увидеть мне
В угле — скулы, в саже — губы.
Труд людской кипел на дне,
В небо дым клубили трубы.

Вот они, труда сыны,—
Подказало сердце скоро,—
Свет Кремля, лицо страны
И крестьянина опора.

Вот один из тех людей
Через цех на эстакаду
Тащит, словно муравей,
С жидким сплавом ковш-громаду.

Вон другой пустил мотор,
Третий режет сталь со рвением,
А четвертый — весел, скор —
Сборкой занят. Все в движенье!

А из заводских ворот,
Чтобы люди лучше жили,
Ежесуточно завод
Гонит сто автомобилей.

Все машины на ходу.
Граждане! Учтите это.
Есть шофер? Забыв нужду,
Мчитесь по земле Советов!

1935

ПИСЬМО ЛОШАДИ ХУНЗАХСКОГО РАЙСОБЕСА ГАМЗАТУ ЦАДАСЕ

Да здравствует, конечно, наш райсобес!
Но горем моим горьким с кем поделиться?
Тебя я призывала, — ты куда-то исчез...
Лучше б не рожала, меня мать-кобылица!

Все лошади давно резвятся на лугах,
Я — вечно у пустой кормушки на чембуре.
Те — с каждым днем бодрее, круглее в боках,
А мне — все просторнее в собственной шкуре.

Прошла уже зима — теперь весна у нас,
А я щипка еще не съела свежей травки.
Зато Кураев в щель заглянет иной раз —
И тычет мне газету: читай, мол, для поправки!

Бывало, вспорхнуть не успеет воробей,
Тронь меня — взовьюсь на дыбы, забрыкаюсь.
Теперь и не вздрогну я, хоть дубиной бей:
Каждый меня лупит, и под каждым спотыкаюсь.

Но незачем, пожалуй, мечтать о фураже —
О зеленой травке, о пахучем сене,
Когда все это в желудке не варится уже:
Старость не проходит от зелени весенней!

Глаза мои горели ярче фонарей,
Теперь они от слез, от гноя мутно-грязны;
Стояли мои уши торчком, как у зверей,
А теперь, как тряпки, обвисли безобразно.

Клади под седло мое в былые времена
Мягкий войлок или коврик бумазейный;
Но мода эта вывелась: теперь моя спина
Как будто вся пробита дробью ружейной.

Хороший был когда-то обычай у людей —
Устраивать бега, скачки, джигитовку,—
При этом дважды в сутки кормить лошадей,
Делать им массаж, водить на тренировку.

В долгие зимние ночи, когда
От шороха сена дрожат мои губы,
Я с грустью вспоминаю молодые годы,
Ту стать, ту резвость, те крепкие зубы.

Но где красота моя, где здоровье тех лет?
Мне трудно уже переступить через палку.
Пора на тот свет выправлять мне билет:
Я — старая кляча,— кому меня жалко?!

Да, слышала я: Дибирчов, прокурор,
Откупить меня хочет у райсобеса.
Не встречалась я с напастью такой до сих пор,
Я — лошадь, а в нем вдвое больше веса!

Неужели на хребте моем, остром, как пила,
Намерен он ездить, надеясь на плетку?
Или хочет, чтобы я под грузы пошла
С ребрами, похожими на гнутую решетку?

Хоть верится с трудом, но среди людей
Встречаются, я слышала, нередко коносды.
Но если и зарежет меня злодей,—
Из жил и костей не наварит обеда.

А впрочем, себе на уме прокурор,—
Он, в сущности, сделает хорошее дельце:
На меня не польстятся ни волк и ни вор,
И никто меня просить не станет у владельца.

Соседи будут рады помочь ему
Как-нибудь на ноги меня поставить.
И семье развлеченье... Умирать потому
Будет мне совестно: как же их оставить?!

Так пусть прокурор не жалеет затрат,
Пусть, не торгуясь, берет меня смело:
Я для него — находка, клад!
Но пусть он не медлит, чтоб я не околела.

1935

НА СТОЙБИЩЕ ГОРНЫХ ДУХОВ

Нас было двадцать восемь человек;
Мы — комсомольцы, родом из Хунзаха.
В краю высоких гор и быстрых рек
Мы выросли, не зная чувства страха.

Мы дружно шли на штурм Седло-горы,
Чтоб водрузить свой флаг и с той поры
Развеять навсегда пустые слухи
О том, что здесь гнездятся злые духи.

Нас не тревожил суеверный гул.
Мы вышли в путь, глупцам противореча.
В Гоготле и в Голотле весь аул
Устроил нам торжественную встречу.

Нас не пугали сказки для ребят:
«Седло-гору оборняют духи...
Всех смельчаков там духи истребят»,—
Твердил мулла, и вторили старухи.

«Вернитесь! Не сносить вам головы! —
Звучал вдогонку шепот суеверный,—
На всех аварцев навлечете вы
Лихую кару дерзостью безмерной...»

Па штурм горы отправившись с утра,
Отряд вплотную подошел к подножью.
Оделась в облака Седло-гора,
От сырости прохватывало дрожью.

Шел снег, как будто с белого орла
Несчетные оцщипывали перья,
И высилась в тумане Сталь-скала
Старинною твердыней суеверья.

Сказавши слово, отступить нельзя...
Чарыки сняв, мы ринулись на приступ.
Нередко оступаясь и скользя,
Нога с трудом нащупывала выступ.

Не описать наш нерушимый строй,
Вгрызавшийся в скалу, как цепь стальная...
Споткнись ведущий — тотчас под горой
Вся братия легла бы остальная.

Дыханьем облаков насытив грудь,
Дойдя до круч, где птицы не гостили,
Мы завершили свой опасный путь,
И сказочной вершины мы достигли.

И, облучая снежную парчу,
Взошло светило. Было тихо, глухо...
И не обрушились на Дибирчу
Ни град камней, ни сонмы гневных духов.

Стояли там сугробы, как стога,
Как будто им вовек не снилось лето,
И, Ноевых времен топча снега,
Дивился путник собственному следу.

Мы вторглись во владения зимы,
Суровой и неумолимой ханши.
Ее столицу покорили мы,
Считавшуюся неприступной раньше.

Не тают льды. Не слышно пенья птиц.
Седло-гора доступна только тучам.
Ее гордыню мы повергли ниц.
Мы стали над хребтом ее могучим.

Портрет вождя на солнце заблестал,—
Ильич стоит как на вершине башни.
Отсюда виден весь Аваристан:
Как на ладони — пастбища и пашни.

И в камни жизнь вдохнет зурна Яхьи!
Вот ледяная ожила терраса
От четырех безудержных стихий —
От песни, смеха, музыки и пляса.

Опасен спуск и труден. Оступись
Последний — как бы ни был он искусен,—
Весь «караван» посыпался бы вниз,
Как с перегнившей нитки горстка бусин.

Но духи нам не нанесли вреда,—
Вернулись мы на пятый день апреля.
Народ с почетом встретил нас тогда,—
Сердца стучали, и глаза горели.

И до сих пор в Хунзахе говорят,
Что на горе, от века нелюдимой,
Без страха побывала Жавхарат,
И с ней Патимат, дочь Камалутдина.

ЧТО СДЕЛАЛИ С МОЕЙ БЕДНОЙ ПЕСНЕЙ!

Несчастье с песнею моею
Произошло неожиданно.
Ее в газету я послал
На праздник Дагестана.

Гляжу — она, как толокно,
Размолота, измята
Так, словно встретилась в пути
С дубинкой суковатой.

Столкнулась, может быть, она
С оравой горьких пьяниц?
Чьи лапы на ее спине
Сплясали буйный танец?

А может, на кулачный бой
Попала к чондотлинцам
И еле ноги унесла,
Но рада их гостинцам?

Четверостишиям иным
Так по заливку дали,
Что их первоначальный смысл
Теперь поймешь едва ли.

А в довершение, видать,
Им плеткою досталось.
Агонизируют они,
В них жизни не осталось.

О, бедный череп! Ведь на нем
Не счесть рубцов и вмятин.
Мне этот случай роковой,
Признаться, непонятен.

У песни ребер целых нет,
Взирает мутным взглядом,
Как наш гуляка Мустафа,
Побитый камнепадом...

Коль в каждом номере у вас
Подобных «жертв» десяток,
То вы прославитесь везде,
«Герои» опечаток.

Но самокритика всегда
Вину загладит может.
И эту песню, я прошу,
Опубликуйте тоже!

1935

ЖАЛОБА СОХИ

Отошли давно назад
В жизни нашей стороны
Многие, как говорят,
Пережитки старины.

В поле, убыстряя ход,
Строем тракторы идут.
С неба самолет — и тот
Облегчает людям труд.

От арбы народ отвык,—
В горы едет грузовик.
Молотилки на гумне.
А плуги!.. Куда уж мне!

Я могла пахать, пока
Было поле бедняка,
А в колхозе ширь полей
Не для силушки моей.

У дубовых старых сох
Дуб потрескался, засох,
Нам свой век докоротать
На задворках, по углам.
Все забыли, как нас звать,
Называют просто: «хлам».

Пусть сдадут меня в музей,
Чтоб потом в музейный зал
Педагог привел детей
И меня бы показал.

О прошедших временах
Ваши дети знать должны.
Пусть останусь я как прах
Отошедшей старины.

1936

СТИХИ О ТЕПЛОЙ ЗИМЕ

Вот странно — кто же умер из близких у зимы?
В пути, одетой в траур, ее встречаем мы.

Какой она, бедняжка, взволнована бедой,
Что, как ребенок, плачет, льет слезы день-деньской?

Покроет снежной тучкой иной утес — и вдруг
Грозит: укройтесь в шубы от холода и вьюг.

Потом повеет теплым-претеплым ветерком
И шепчет: сбросьте шубы — ишь как печет кругом.

Из глаз ее, промокших от неумных слез,
Ручьев, потоков буйство по взгорьям пролилось.

Кто без смекалки, смотришь — уж вон с сохой попер,
Подумав, что, мол, это весна пришла на двор.

Нет, встарь зима старалась держать в руках народ,—
От белой, снежной бурки, бывало, кто уйдет?

А ныне? Ливнем солнца, теплынюю золотой
Власть дышащую зиму видали ль пред собой?

Сроднившуюся с летом характером, душой,
Вы чувствуете ль зиму, ее повадок зной?

1936

О ДРУЖБЕ С ОГЛЯДКОЙ

Разве на свете нет верности, дружбы?
Кто их саманом зажженным зовет?
Разве зависит от чина и службы
Людам оказываемый почет?

Если помотришь на друга иного —
Голос не тот, и окраска, и рост,
Сердце его распластаться готово
Перед занявшим ответственный пост.

Тот, кто знакомством со мною гордился,
Ныне ко мне обернулся хвостом;
Тот, с кем вчера я совместно трудился,
Ныне меня замечает с трудом;

Тот, кто папаху снимал предо мною,
Даже когда меня видел во сне, —
Тот наяву почему-то спиною
Вдруг поворачивается ко мне.

Я не сворачивал влево иль вправо, —
Где же товарищеская рука?
Ленинский путь — моя жизнь, моя слава,
Можно ль глядеть на меня свысока?

1936

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Воду радостей живых, ту, что старит молодых,
Молодит совсем седых,

будем пить, но не пьянеть.

Воду, что и пешехода может сделать конным с ходу,
Пешим конного,— ту воду

будем пить, но не пьянеть.

Воду, что людей меняет — тех смеяться заставляет,
Тех слезами омывает,—

будем пить, но не пьянеть.

Веселящую унылых, шутников бросая милых
В мрак унынья,— полной силой

будем пить, но не пьянеть.

Воду, ценную стократы, золотящую заплаты,
В нищету сводя богатых,

будем пить, но не пьянеть.

Воду восходящей силы, оживляющую хилых,
В бой ведущую трусливых,

будем пить, но не пьянеть.

Ослабляющую ноги, затемняющую многих,
Сделав наш язык убогим,

будем пить, но не пьянеть.

Воду — пить ее пристало, когда есть в желудке мало,
В доме ж снеди до отвала —

будем пить, но не пьянеть.

Воду злую, коль без меры, воду пиршественной веры,
Украшающую смертных,

будем пить, но не пьянеть.

Оглупляющую воду, наливая, как в колоду,
Ту бессовестную воду

будем пить, но не пьянеть.

Льющуюся в темный час изо рта постыдно в таз,
Унижающую нас, —

будем пить, но не пьянеть.

Пробуждающую спесь, расхищающую честь,
Что ни пьешь. — все жажда есть,

будем пить, но не пьянеть.

Воду — щедрую для друга, для врагов скупую — кругом
Всю до дна в часы досуга

будем пить, но не пьянеть.

1937

ПАМЯТИ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

1

Как будто гром над нами прогремел
И у меня открылась в сердце рана,—
Нет, не Ашага-Сталь осиротел,
Осиротели все аулы Дагестана.

Когда падет боец, другой боец
Встает на место павшего героя,—
Но кто заменит нам тебя, певец?
Кто голосом твоим заговорит со мною?

2

Каким бы ясным ни был мысли ход,
Какие б ни возникли в сердце звуки,
Поэт берет перо, бумагу в руки,
И песнь из-под пера его течет.

А Сулейман к бумаге не привык,
В сердцах людей свою черпал он силу.
Ему пером был собственный язык,
И кровь ему чернилами служила.

Неграмотен он был, старик седой
(Что делать, бедняки учились мало),—
Неграмотность была его бедой,
Но и она его бессмертьем стала.

1937

О ДРУГЕ СУЛЕЙМАНЕ

Хоть и познал он почести и славу,
До солнца нашей властью вознесен,—
Не изменил крестьянскому он праву,
На туфли не сменил чарыков он.

1937

ОТВЕТ МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Задумался о жизни я, и снова
В раздумье время ворвалось само,
Когда от стихотворца молодого
Мне заказное подали письмо.

Я стал читать. Походный — не парадный
Передо мною строй стихов возник.
И запах одаренности отрадной
Мой старый нюх почуял в тот же миг.

И в сердце мне вошли без проволочки,
На доступ пропусков не предъявив,
Чеканные, отточенные строчки,
В себе печаль и радость воплотив.

О юноша, сумевший вызвать смело
К стихам своим живейший интерес,
Мое перо состарилось, как тело,
Его ты зря возносишь до небес.

Не воздавай почета мне, не надо,
Я о былом, о прошлом вел рассказ.
И нынче дар мой гаснет, как лампада,
В которой масла кончился запас.

Хозяин оскудевшего амбара,
Я на хромом уже плетусь коне,
А твой — горяч, он моему — не пара,
Скачи вперед и не завидуй мне.

Садись на скакуна с порога сакли,
Ногой коснувшись стремени едва,
Спешь, покуда силы не иссякли,
И не сидит на темени сова.

Не относись ко времени беспечно,
И не ленись работать до утра.
Знай, мыслей острота недолговечна,
Как острота и самого пера.

Я проложил в горах свою дорожку,
И дорогую кладь по ней готов
Еще тянуть, хоть ставят мне подножку
Все шесть десятков прожитых годов.

Водой студеной горного колодца
Лечил свои недуги я досель.
Чем жизнь вперед стремительней несется,
Тем мне страшней становится постель.

1937

НА МОГИЛЕ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Сколько никчемных вскормила земля!
Сколько полезных она поглотила!
Встарь дармоедам дарила поля,
Славным любимцам народа — могилы.

В злую годину ушел ты от нас.
Но над могилой мы плакать не будем:
С нами Коста,
Он живет и сейчас,
Добрые песни оставил он людям.

1939

* * *

Лучами глаз твоих я ослеплен.
Взглянула — и голубкой упорхнула.
Я рад бы за тобой лететь вдогон —
Куда там! Ты исчезла из аула.

Рукою лишь махнула — мол, пока!..
Не видывал я существа коварней.
Бычок дороже старого быка —
Ты предпочла мне молодого парня.

Ты думала: любовь — юнцов удел,
Лишь молодой способен загореться.
А я — представь! — пока не поседел,
Не ведал мук взбесившегося сердца.

Что ж, коли у тебя завелся друг,
Расстаться, милая, давно пора нам.
Но почему ты улыбнулась вдруг?
Зачем со мною чокнулась стаканом?

Не знаешь и сама, кого любить
И подаваться в сторону какую.
Того, кто любит, гонишь... Так и быть:
Послушай — что почем я растолкую...

1938

**КОГДА ПЕРЕДАЛИ ПО РАДИО О
НАГРАЖДЕНИИ ГАМЗАТА ОРДЕНОМ
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ**

Сегодня, первого февраля,
В большое волнение я приведен:
Узнала по радио вся земля,
Что орденом я, Гамзат, награжден.

Очень велик этот светлый дар,
Орденосцы у нас в чести,
Орден горит, как жар,
Надо достойно его нести.

Песни мои — для людей труда,
Царская власть заглушала их,
Но слово свободы живет всегда,
Свободен и ясен советский стих.

Меня угнетал Николай Второй,
Теперь я выбран в Верховный Совет,
Не потому, что большой я герой,
А потому, что я честный поэт.

Я буду напорист в труде и смел,
Мне многое надо успеть.
Пока язык мой не онемел,
О новой жизни я буду петь.

1939

„ВОЛЧЬЕ УЩЕЛЬЕ“

**(Когда Гамзату пришлось провести ночь под
открытым небом в ожидании машины)**

Часы идут. Я жду рассвета молча.
Часы ползут, не сделав ночь короче.
Так приняло меня Ущелье Волчье,
Такой служил я бесконечной ночи!..

Был чабаном при звездах, как при стаде,
Стерег миры, за ними в оба глядя.

1939

ПИСЬМО СЕМЬЕ ИЗ МОСКВЫ

Хоть я, как вы знаете, здесь не впервые,—
Такой изобильной не видел Москвы я:
Такие хлебá, сколько мяса, и жира,
И рыбы, и масла, и меду, и сыра!

И красным товаром полны все прилавки,—
Смотри, выбирай — без толкучки, без давки:
Хоть ситца, хоть шерсти, хоть шелка, хоть плюша —
Отмерят, отрежут за милую душу.

Мужского и женского платья как много!
Сапог и ботинок на всякую ногу,
Калоши и валенки, бурки и кенги...
Чего тут не купишь — лишь были бы деньги!..

В роскошной гостинице номер мне дали,—
Картины, фигуры, ковры и так дале.
Не знаю порой — на земле я, на небе ль:
Какие удобства, какая тут мебель!

Есть письменный столик с чернильницей, с ручкой,
И стопка бумаги, и разные штучки.
Кровать — поверите ль? — целая площадь:
С трудом сам себя нахожу в ней на ошупь.

А рядом есть кнопка: нажми только пальцем —
И чай подадут и обед постояльцам.
Холодной водой и горячей — не шутки! —
Могу я тут мыться хоть круглые сутки.

Из бронзы, на каменной плитке богатой,—
Олень на столе предо мною рогатый.
От нечего делать с большим оживленьем
Часами беседую с этим оленем...

Стихи мои очень тут ценятся. Кстати,
Выходит мой сборник на днях из печати,
А двадцать седьмого мой творческий вечер.
Как видите, быть недовольным мне нечем.

Но все же, мои дорогие, не скрою,
По вас я скучаю вечерней порою:
Все чаще мне снятся ручьи, перевалы,
Все чаще мне снятся цадинские скалы.

У той бы мне печки погреться немножко,
В духовке которой печется картошка!
Подняться б на крышу, любимые дети,
Родной наш аул наблюдать на рассвете!

Но что же влечет меня прочь из столицы,
В которую каждый сердечно стремится?
Мне ярче ль в Цаде, чем из окон московских,
Сиять будут звезды на башнях кремлевских?

О мать нашей родины! Ты дорога мне
От звезд на Кремле до последнего камня!
Словами любовь не измеришь такую,—
Влюбленный в Москву, о Цаде я тоскую.

1940

ВОДОПРОВОД В АУЛЕ ЦАДА

Горную воду наука в аул привела!
Радуйтесь, женщины — жены, и сестры, и дочки!
Прочь уберите веревки с кувшинов своих,
Можете выбросить даже запасные бочки.

Новый тебе открывается мир, Жавгарат!
Кран поверни — наливай себе сколько потребно!
Шумный источник поет под окном из трубы,
Спишь — и во сне этот шум тебе снится волшебный.

Видите, что может сделать простая кирка,
Если и воля и руки народа — едины.
Всем уже ясно теперь: перед силой такой
Скалы развалятся, горные рухнут вершины.

Вот: шесть десятков хозяйств — мы прорыли канал —
И ведь на пять километров его протянули!
Дикий родник, растекавшийся зря по камням,
Взятый за шиворот, служит нам верно в ауле.

Сколько невзгод приходилось терпеть без воды:
Снег собирай — да вытапливай воду в морозы;
Тучка надвинулась — бочку под желоб скорей!
То вся надежда на снег, то на краткие грозы.

Девушек сколько калеками стало у нас:
Воду за два километра таскали в кувшинах.
Женщины наши, пожалуй, полжизни своей
Жили, согнувшись под грузом кувшинов на спинах.

В старое время кто думал о нашей нужде?
Мало ль о чем там овечка худая заблеет?
Чести и долга начальство не знало тогда:
Волк — это волк и овец никогда не жалеет.

Но когда славный Октябрь прогремел по земле,
Новая жизнь распахнула ворота народу.
Много чудес мы творить научились — и вот:
В горы по трубам в аул притянули мы воду.

1940

КНИГА

Ты с книгою дружи, чьи щедрые листы
Ждут взгляда твоего. Она всегда верна.
Пусть ты богат, как хан, пусть без копейки ты,—
Не станет изменять, не подведет она.

Прилежнее склонись челом к страницам книг,
Где каждая строка мед мудрости таит.
Будь жаден к знаниям, сын! Знай: ты не все постиг,—
Лишь черная из них, твой разум будет сыт.

Оружье это ты не выпускай из рук.
Брани его иль нет — надежен друг такой.
В обиде на тебя не будет этот друг,
Хоть бросишь ты его, в сердцах махнув рукой.

Будь знания кунаком. Богат его очаг,
Щедры его дары, густы его сады.
А ты — желанный гость в цветущих тех садах:
Иди и собирай румяные плоды.

Ты книге поверяй свои мечты и жизнь.
Знай: в сердце не спросясь врывается поэт.
Ты всем, что на душе, с поэзией делись:
В ее улыбке ты на все найдешь ответ.

1940

ЖИЗНЬ И РОДИНА

«Отец мой, в лихую годину войны,
Сражаясь за счастье родимой страны,
Ты жизнь за него положил бы в бою?
Честь война ты сохранил бы свою?»

«Мой сын, я — старик и в могилу гляжу.
За родину жизни я не пощажу.
Забота моя о своей ли судьбе?
Ты — молод. Все мысли мои о тебе».

«Отец мой, беречь я себя не могу:
Отчизны вовек не отдам я врагу.
Без родины — жизни цена какова?
Без чести — что стоит моя голова?»

«Мой сын, у тебя молодая жена,
Свой род для тебя позабыла она,
А ты покидаешь родимый Хунзах,
Жену и детей оставляя в слезах».

«Отец, я покину свой дом и семью,
Но родину я от врагов отстою.
Я должен оставить жену и детей
И стать на защиту отчизны своей».

«Ужель тебе матери, сын мой, не жаль?
Ее раньше срока состарит печаль.
В разлуке с тобой не прожить мне и дня,
Неужто уедешь, мой сын, от меня?»

«Любимый отец мой, родимая мать!
Мне горько и тягостно вас покидать.
Но знайте, вовек не удержат бойца
Ни матери слезы, ни горе отца.

Отчизна счастливою жизнью живет.
Предавший отчизну — себя предает..
Смерть нас отыщет в дому и в бою.
Отчизну в беде не оставлю свою.

Отец мой, врагу я тебя не предам.
Быть может, в сражение погибну я сам,
Но не опозорю твою седину,
Тебе не придется томиться в плену...»

Отец был растроган ответом Али,
И слезы из глаз у отца потекли.
«За счастье и славу родимой земли
Ступай и сражайся, любимый Али!..»

1941

ЗА МОСКВУ!

Едва лишь по стране промчалась весть,
Что враг к Москве приблизился вплотную,
Советские народы, как один,
Скалою встали за Москву родную.

Мужчины, женщины — и млад и стар —
Все поднялись, услышав клич тревоги.
Шли пеший, конный дать врагу отпор,
Со всех концов стремясь к одной дороге.

Шли, как поток могучий, как потоп, —
Всех ветер гнева на дорогу вынес:
Киргиз, казах, таджик, туркмен, узбек
Шли, боевым оружием оцетинясь.

Кавказ всю силу выставил свою:
Искусный в сече шел азербайджанец,
Грузин и армянин в атаку шли,
И ты, железный конник — дагестанец,

С единым кличем: «За Москву! Вперед!
За Родину! Погибель вражьи сворам!»
И враг отведал наш кулак стальной —
И от Москвы отброшен был с позором.

1941

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ
(Дедушка—первой внучке)

Внучка в наш явилась дом —
Краше внучки не найти.
Как девчонку назовем?
Может, попросту, «Пати»?

Заведется у отца
Лишних несколько рублей,—
Он подарков без конца
Дочке навезет своей.

Купит он тебе платок
Да коралловый виток,
Чтоб у колыбели
Бусинки блестели.

И браслетку и кольцо
На тебя наденет мать.
Выйдешь с мамой на крыльцо,
В садик с ней пойдешь гулять.

Шелковиночки волос
Мама гребнем разберет.
Нашей пташке между кос
Птичье перышко вплетет.

Папа дочке приберет
Пару золотых серег.
Люди сразу отличат:
«Вон гуляет Патимат».

Папа станет целовать:
«Спи, дочурка, засыпай».
Молочком покормит мать,
Будем петь тебе «бай-бай».

Манит бабушка: «Иди
На руки ко мне, мой свет!»
«Поиграй со мной, Пати!» —
Просит внучку старый дед.

Будешь новой жизнью жить.
В школу ты начнешь ходить.
Побежишь вприпрыжку,
Книжку взяв под мышку.

1941

МАЛЕНЬКОЙ ПАТИ

Прошу тебя, внучка,
Ты деда прости,
С недоброю вестью
Я прибыл, Пати.

Из области дальней
Вернулся в наш дом
Я с вестью печальной
О папе твоём.

Мечтал он, желанья
Свои торопя,
Хоть краешком глаза
Увидеть тебя.

Писал он: «Утешьте
Дочурку Пати.
Ей-богу, как прежде,
Здоров я почти».

Семью успокоить
Хотел, а меж тем
Пришла телеграмма,
Что плох он совсем.

Я в поезде мчался,
Добрался в два дня,
Но он не дождался
В санбате меня.

В походной шинели,
С морщиной на лбу,
Под знаменем красным
Лежал он в гробу.

Вблизи Балашова,
Где жертвы войны
Смотрели сурово
Посмертные сны,

Остался отец твой
Лежать недвижим,
С лицом, обращенным
К нагорьям родным.

И, как по закону,
Что принят в горах,
Встал камень граненый
В его головах.

Сокровище бабушки,
Свет моих глаз —
Он умер, отец твой,
Покинул всех нас.

1943

САЛЮТ

Слышны в Дагестане
Москвы голоса.
От залпов победных
Дрожат небеса.

И в небе ночном
Расцветают цветы:
То красный, то желтый
Летят с высоты.

Цветные огни
Полыхающих звезд —
Как сказочной птицы
Сверкающий хвост.

Огни среди ночи
Пускаются в пляс.
Они говорят:
«Полюбуйтесь на нас!»

И мгла отступает,
Теснясь по углам...
Всего не опишет
Мой скромный калам.

Захватчиков дерзких
Разбили мы в прах.
На запад бежит
Обескровленный враг.

И без передышки
Бегущему вслед —
То валны, то вспышки
Веселых ракет.

1944

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВЕЧЕРЕ,
ПОСВЯЩЕННОМ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Конь ударом копыта матерого волка убил,
Но крестьянин быку благодарность за это принес:
«Это — подвиг овса, что коня богатырски вскормил.
Ну, а кто, как не бык, наше поле вспахал под овес?»

Если б мудрость народная не накормила певца,
То Гамзат в этом кресле не встретил бы свой юбилей.
Мало слов у меня, чтобы выразить всю до конца
Благодарность сердечную власти Советской моей!

1944

СЛОВО ОВЦЫ К ДВУНОГОМУ ВОЛКУ

Я с тобой, Али, поговорить хотела,—
Ты овцу-старуху выслушай, Али.
Я от горьких дум — ну, просто очумела.
Сядь сюда... минутки две мне удели.

Чей в твоей папахе смушек серебрится?
Кто твою жену обрадовал платком?
На руках своих чьи носишь рукавицы?
Салом чьим поставил ты усы торчком?

Саклю кто ковром украсил и паласом,
Из чего костюм ты сшил на Новый год?
Кто тебя, Али, снабжает сыром, мясом,
Шерстью теплой? Разве не овца, не скот?

На тебе, Али, пальто из хрома. Щеголь!
Чей тот хром — неважно, было бы к лицу!
В мягких сапожках шагаешь — гордый гоголь!
А хоть добрым словом помянул овцу?

Осушив на свадьбе рог вина иль чачи,
Чем закусишь? Кто шашлык тебе припас?
В зимний вечер кто на противень горячий
С перчиком, с лучком кладет кольцо колбас?

Скот тебе не люб, а мясо очень любо,—
Справедливо это? Поразмысли сам:
Презирать овец, рядясь в овечью шубу!
А ведь должен быть ты верным другом нам!

Почему ж с тех пор, как выскочил ты в «шишки»,
Шею так твою раздуло? Вот вопрос!
Дефицит в колхозе, у тебя — излишки:
Потому, Али, ты салом так оброс!

Эй, Али! Ведь ты — доверенный народа,
Как же ты народ обманываешь так?
Руки, что тебя избрали, подло продал:
Те — за пяточок, а те — за четвертак!

У Зухры безрукой дети есть — сироты,—
Ты крадешь ее копейки и рубли!
Без ноги пришел с войны Курбан,— его ты
Тоже обираешь. Сдох бы ты, Али!

«Губят вас болезни...» Знаем эти толки!
Как же! Все на хворь, на хищников вали.
Нас двуногие уничтожают волки!
Не за наш ли счет пируешь ты, Али?

1944

НОВОМУ ГОДУ

Новый год, протяни мне по-дружески руку;
Ты — не гость, сам себе из кувшина налей!
Долгожданный приход твой да будет порукой
В том, что жизнь наша станет еще веселей!

Пусть все беды уйдут из-под нашего крова,
Мы с победой дождемся с войны сыновей,
Пусть отелятся благополучно коровы,
Ожеребятся матки высоких кровей!

Пусть приплод жеребят будет рослым и сильным,
Пусть пестреют луга от бесчисленных стад,
Пусть взрастет урожай полновесным, обильным,
Пусть не тронут посевов ни ливень, ни град!

Пусть пшеницею будут богаты колхозы,
Пусть под фруктами гнутся деревья в саду,
Пусть от тяжких кистей виноградные лозы
До земли наклоняются в этом году!

От больших бурдюков пусть сгибаются гвозди,
Пусть бараньего мяса навялим мы впрок!
Пусть на праздниках наших обедают гости
Так, чтоб жир покрывал ножевой черенок!

Пусть медлительным буйволам будет знакомо,
Как с токов до амбаров возить свою кладь!
Пусть в углу каждой комнаты каждого дома
Будет брага в пузатых бочонках играть!

Пусть в духовках печей будет жариться мясо,
Пусть стоят на столах пироги и колбасы!
Пусть все фабрики выполнят план повсеместно,
Чтоб товары все полки заполнили тесно!

Пусть течет половодье веселья и счастья,
Пусть к народу народ проявляет участие!
Пусть наследников больше рождается втрое,
Пусть герои растут, побеждая и строя!

Пусть сурово звучит приговор прокурора,
Пусть настигнет закон грязнолапого вора!
Пусть презренный предатель вовек не воскреснет,
Пусть бездонный живот расхитителя треснет!

Пусть все крысы, народ обиравшие ловко,
Твердо помнят, что есть и на них крысоловка!
Да живет наша армия славно и гордо!
Да погибнут фашистов кровавые орды!..

1944

ШАМИЛЬ

В храбреца, чей подвиг смелый
Карлом Марксом оценен,
С бранным визгом мечет стрелы
Тот, кто разума лишен.

На борца, что соколиной
Был отвагой знаменит,
Замахнулся вдруг дубиной
Потерявший честь и стыд.

Кто осудит ратоборца,
Чья прославилась борьба
Потому, что сердце горца
Сердцем не было раба?

Кто осудит человека,
Что в горах гремел, как гром,
Что сражался четверть века
С притеснителем-царем?

Значит, царь в года былые
Прав был, а Шамиль не прав?
Почему ж народ России
Сверг царя, престол поправ?

Выдумки пустые эти
Отвергает вся земля:
В наших саклях даже дети
Знают имя Шамиля!

Мчался он ущельем узким
Иль заоблачной тропой,—
Знайте: не с народом русским,
А с царем вступил он в бой.

Горцев доблестных возглавив,
Он в сраженье их повел.
Крылья мощные расправив,
Воевал он, как орел.

1945

ОКТАБРЬ

Теперь, на склоне лет, я постоянно
О прошлой жизни думаю своей,
И жалко мне, что я родился рано,
Что сгублено так много лучших дней.

Ведь если только в прошлое взглядеться,—
До Октября, скажите, что я знал?
Я был мальчишкой — и не видел детства,
Я зрячим был, но света не видал.

Мне жаль моих друзей и однолеток,
Кого в живых уж нету, кто не смог
Увидеть столько солнечного света,
Который ты, Октябрь, в стране зажег.

1947

В ДЕНЬ МОЕГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Что за люди, ты взгляни!
Иль за жен им страшновато,
Что стараются они
Сделать стариком Гамзата?

Всех созвали на обед.
Тост сказали (он был краток):
Мол, ура! Соседу лет
Миновал... седьмой десяток.

Так считают люди зря —
Неверны подсчеты эти:
Только после Октября
Стал я жить на белом свете.

При царе не жил я, нет,
И для верного итога
Вычтем эти сорок лет,—
Вышло тридцать. Разве много?

Тот, кто хочет стариком
Сделать юного Гамзата,
Тот пришел напрасно в дом —
Времени пустая трата.

1947

ЖАЛОБА МОЕЙ ЖЕНЫ

Иной, на службе сделавши карьеру,
Жену с детьми бросает в тот же год
И, одурев от важности не в меру,
Напудренную в дом к себе ведет.

Вы пишете в газетах о Гамзате,—
А вдруг ему хвала не по плечу?
Зазнается поэт, и в результате
Я, старая, отставку получу.

Его звезда находится в зените,
Гордится им не только вся родня.
Но как бы он прославился, скажите,
Когда бы рядом не было меня?

Когда б в Талгах¹ тарелок я не была,
Не сочинил бы он стихов о том,
Киркой, лопатой, не жалея силы,
Я привела в порядок бедный дом;

¹ Т а л г ы — курорт в Дагестане. В свое время Цадаса написал о жене шутивное стихотворение «Хундулай на курорте».

Ему чернила подаю и перья,
А в час, когда садится он писать,
Я башмаки снимаю возле двери,
Чтоб в доме тишины не нарушать.

Он — юбиляр. От телеграмм с утра ведь
Покоя нет,— летят к нему, спеша.
Мне лет не меньше, но меня поздравить
Не догадалась ни одна душа.

1947

СТАРОСТЬ—МОЛОДОСТЬ

Я старости не покорюсь
И не склонюсь пред нею.
И чем я старше становлюсь,
Тем жить хочу сильнее.

Друзья, я много перенес,
Глаза мои слабеют,
И островок седых волос
Средь лысины белеет.

Пусть бьется сердце у меня
Не в такт шагам тяжелым —
Немало в нем еще огня,
Немало струн веселых.

И пусть проходят годы, пусть, —
Я жизнь недаром прожил.
И чем я старше становлюсь,
Тем становлюсь моложе.

Меня не одолеет грусть
И не смутит тревога...
Я злюсь, тружусь, я веселюсь,
И молод я, ей-богу.

**Вы не смотрите, что я сед.
Совсем не в этом дело:
Ягненку, может, года нет,
А он бывает белым.**

1947

РАЗГОВОР МЕЖДУ КОЛХОЗНИКОМ ХОЧБАРОМ И ПРЕДСЕЛЬСОВЕТА АЛИ

Х о ч б а р

Эй, Али, ты нелюдим,
Целый день ты бродишь где-то!
Погоди, поговорим,
Председатель сельсовета!
Вот о школе. Ты, Али,
Расскажи, хочу узнать я,
Как ремонт произвели,
Начались ли там занятия?

А л и

Друг Хочбар, да речь твоя
Вызывает удивленье.
Я не школьник, к школе я
Не имею отпошенья.

Х о ч б а р

Ну, скажи мне про колхоз,—
Как отары и кутаны?
Много ль зла принес мороз?
Выполняются ли планы?

А л и

Я, Хочбар, не скотовод,—
Ты оставь меня в покое.
Бережет кувшин лишь тот,
Кто с ним ходит за водою.

Х о ч б а р

Ну, тогда ты дай ответ:
В нашей бане можно ль мыться?
Расскажи, как сельсовет
Нашей помогал больнице.

А л и

Есть ли в нашей бане пар,
Как больница, как аптека,—
Ты других спроси, Хочбар,
Я не банщик и не лекарь.

Х о ч б а р

Много ли у вас, Али,
В сельсовете депутатов,
Сколько сессий провели,
Каковы их результаты?

А л и

Я, Хочбар, не счетовод,
Цифры назову едва ли,
Но за подотчетный год
Много раз мы заседали.

Хочбар

Ну, а правда или нет,—
Слух идет,— скажи по чести:
Кто ни входит в сельсовет,
Не найдет тебя на месте?

Али

Людам нечего сказать,
Кто все выдумал — не знаю.
Каждый день, ну, раз по пять
В сельсовет я забегаяю.

.

Гамзат

Я не стану говорить,
Долго ль шла беседа эта,
Но Али недолго быть
В должности председельсовета.

1947

СПЛЕТНЯ

«Вай, бедняга, друг любезный,
Знай, в Москве твоя жена
Рвется к жизни интересной,
Загуляла там она.

Грех с женой всегда возможен,
Если вдалеке супруг.
Сабля, вырвавшись из ножен,
Ко всему готова, друг.

Как-то раз в ряду Охотном,
Весела не без причин,
Шла твоя супруга в плотном
Окружении мужчин.

Стал следить я. К остановке
Подошел троллейбус здесь.
Долго было ли плутовке
В толстую машину сесть.

Проводив троллейбус взглядом,
Я заметить лишь успел,
Что с твоей женою рядом
Пассажир нестарый сел.

А сегодня — видно, сладки
Дни веселости такой —
Шла походкой куропатки
Бывшей улицей Тверской.

Рядом с нею шел мужчина,
Чемодан держа в руке.
Вот дошли до магазина
От угла недалеко.

В дверь — она, за ней туда же
Устремился этот лис.
Кто такой — не знаю даже,
Лишь заметил я: он лыс».

1947

МОЕЙ БЕДНОЙ ПЬЕСЕ

Это просто наказание:
Ты попала на расправу
К человеку, чьи деянья
Высмеяла ты по праву.

Он бранится, он скандалит,—
Ясно даже для младенца:
Многоженец не похвалит
Пьесу против многоженца.

Рецензент наш ловкий малый,
Он кутила и повеса,
Вай, куда же ты попала,
Бедная моя пьеса?

Критикует он злоеще
Положительных героев.
Говорит такие вещи,
Что страшится сам порою.

Всю тебя загрыз бы, съел он...
Был аналогичный случай
С волком и ягненком белым
У ручья в лесу дремучем.

1947

СТАРОСТЬ И БОЛЕЗНЬ

Я от гостей не знал отбоя:
Придут — уйдут, и так всю жизнь.
Но у меня вот эти двое
Нахально долго зажились.

Я их не раз просил по чести
Освободить мой тесный дом,—
Они в ответ: «С тобою вместе,
А без тебя мы не уйдем».

«Но мне,— я говорю,— в дорогу
Нельзя отправиться, друзья:
Забот я здесь имею много,—
Ведь здесь мой дом, моя семья!..»

Но в безрукавную рубашу
Я обряжен — и ехать мне
Приходится, дрожа от страха,
На неоседланном коне.

А путь — далекий, незнакомый,
Грехов житейских груз тяжел...
Уже растаскивают дома
Все, что я в жизни приобрел.

Вот и привал. Признаться надо,
Ночлега хуже не найти:
Тому, кто въехал за ограду,
Обратно нет уже пути.

Семья, родня, все те, с кем прожит
Был весь мой век,— ах, боже мой! —
Зароят, камешек положат —
И заторопятся домой...

1948

РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

Ты сгибаешь слишком смело
Спину мне. Скажи в глаза:
Может, хочешь обод сделать
Из нее для колеса?

Раньше мог я без печали
День-деньской бродить в горах,
А теперь не от тебя ли
Словно путы на ногах?

Ты в мой рот залезла грубо,
И, здоровью вопреки,
В нем качаться стали зубы,
Как на речке полавки.

Для чего ты сушишь тело?
Не урюк я, не кизил.
Или хочешь струны сделать
Из моих воловьих жил?

Убери-ка с глаз скорее
Руки, дурья голова!
Просыпаясь, на заре я
Плохо вижу, как сова.

Что ты делаешь, старуха?
По твоей, карга, вине
Я почти лишился слуха:
Ты заткнула уши мне.

Заболел недавно вновь я:
Врач узрел твои черты.
Как напильником, здорovie
Подточить сумела ты.

У меня морщин на коже
Больше, чем в горах дорог.
Ты на гостью не похожа:
Та «прощай» — и за порог.

Как унять твое коварство,
Злобный нрав твой истребя?
О, когда бы мог лекарство
Раздобыть я от тебя,—

Не сидел бы пригорюнясь
Я, как беркут среди скал,
А свою былую юность
Крепко к сердцу бы прижал.

С нею, сильной и крылатой,
Не боялся б ничего...
Враг не мог сразить Гамзата.
Старость, ты страшней его.

1948

ИЗ ЦИКЛА „УРОКИ ЖИЗНИ“

* * *

На рынках закон существует издревле:
Чем больше товара — тем стоит дешевле.
Товар и талант меж собою не схожи,
Второго, чем больше, тем стоит дороже.

* * *

Всему своя мера. И должен, к примеру,
Ты чувствовать гнева границу и меру,
Но если покайся битый в грехах,
Ты гнев свой на милость смени, как аллах.

* * *

На юношу смотрю не без надежды
И говорю ему сегодня снова:
«Пусть будет нрав твой краше, чем одежды,
Дела твои — значительнее слова».

* * *

Того, кто тянется к низам,
Низы поднять стремятся сами,
Ведь люди с честными глазами
Читают правду по глазам.

1948

ЗА МИР!

Над могилой братской шепчут травы,
Колос наливаются опять.
Мы — живые — не имеем права
О друзьях погибших забывать...

Песни сложены о Шаумяне.
Наша память времени сильней.
Помним: расстреляли англичане
Шаумяна и его друзей.

В девятнадцатом, коней пришпорив,
Не дали мы отдыха клинкам,
Знаем, кто оружие из-за моря
Присылал заклЯтым белякам.

Обманулся враг в своих расчетах:
Нас вовеки сокрушить нельзя;
И живут на всех земных широтах
Наши настоящие друзья.

Мы спокойны! Маяки свободы
Над Москвой пылают в синеве,
И борьбу за мир ведут народы
Всей планеты с нами во главе!

1949

МИР СИЛЬНЕЕ ВОЙНЫ

Мне за семьдесят, я старик,
Но родился дважды на свет:
Старой жизни закон я постиг,
Новой жизни увидел рассвет.

Мне знакомы народов дела,
Голова недаром в снегу,
И добро отличить от зла
Я без помощи всякой могу.

Много слышал я слов на веку,—
Всех дороже мне, старику,
Большеви́стский призыв: «За мир!» —
С ним вступили мы в новый мир.

Мир! Свобода и братство в нем,
И покой и богатство в нем,
В нем единство смелых людей —
Слова нет честней и добрей.

Есть ужасное слово — «война».
В нем печаль и тревога слышна,
В нем рыданье вдов и сирот,
В нем проклятье из рода в род.

Сыновей не рождает война,
Сыновей поедает она,
Жадный враг никогда не сыт,—
Так народная мудрость гласит.

Дагестанский обычай таков:
У бодливых, глухих быков
Отрезать острия рогов,—
Есть рога и у наших врагов.

В дагестанских горах и в степи
Держат злых собак на цепи:
Нам такие же цепи нужны
Для зачинщиков новой войны.

Пусть, друзья мои, расцветут
В нашем доме наука и труд,
Пусть венчает наш дружный дом
Знамя с молотом и серпом.

Ну, а ежели скажет враг:
«Откажитесь от мирных благ!»
Что мы станем делать, друзья,
Как поступит наша семья?

Повернемся к врагу спиной?
Нет у нас привычки такой!
Покоримся? Вспять побежим?
Мы делам не учились таким!

Встанем, братья, мощной стеной
Вкруг России, отчизны родной.
Мы, советские люди, сильны,
Ибо мир сильнее войны.

ЛЕНИН

Кто сказал, что Ленина нет?
Слуху ложному вопреки,
Всюду — ленинской мысли свет,
След рабочей его кирки.

Ленин жив, никуда не ушел,
Он — в размахе больших работ.
Как стремящийся ввысь орел,
Он в дерзаньях наших живет.

Большелобая голова
И прищуренный зоркий взгляд.
Огневые его слова
Беспощадно врагов разят.

Весь он — словно в горах река,
Весь — кипение, весь — полет.
Вдаль протянутая рука
Путь указывает, зовет.

Славят Ленина все уста
На наречиях всех широт.
А святая его правота
В миллионах сердец живет.

1949

ПУШКИНУ

(К 150-летию со дня рождения)

Повец, народа собеседник,
Не бережет своих щедрот,
И потому-то весь народ —
Его единственный наследник.

Проходят зимы, весны, лета,
Тускнеют золото и медь, —
Вам только не дано тускнеть,
Дары могучего поэта.

Я слово правды не нарушу,
Когда скажу тебе, поэт:
Как в очи входит солнца свет,
Твой чистый голос входит в душу.

Как мне отрадно, что аварец
Твоим пленяется стихом!
Джигит находит мудрость в нем
И юность обретает старец.

Мне хочется сказать спасибо
Тебе, поэзии титан,
Чей свет горит и для крестьян
Высокогорного Гуниба.

Я вижу, как в библиотеке
Детишек очередь растет,
И просят все наперечет
Стихи, зажженные навеки.

Родится сын в семействе горца —
Родителям мы говорим:
«Да будет Пушкиным вторым,
Да блещет даром стихотворца!»

В Москве на памятник всегда я
Смотрю: исполнен ты забот,
Ты устремляешься вперед,
Как бы в грядущее шагая.

Задумчив облик величавый,
И люди смотрят на тебя,
Благоговевя и любя,
Гордясь твоей бессмертной славой.

У памятника дорогого
И я, взволнованный, стою,
И я тебе передаю
В горах взлелеянное слово:

«России светоч и отрада!
Сыны Кавказа тем горды,
Что им дано вкушать плоды
Густого пушкинского сада.

Тобой посеянные зерна
Приют нашли в сердцах людских,
И вечен твой могучий стих —
Твой памятник нерукотворный».

1949

ПОЭТУ МАХМУДУ

В нем сто домов, в ауле Кахаб-Росо.
Меня к себе влечет он вновь и вновь.
Здесь вырос ты, певец сладкоголосый,
Здесь, в сакле, началась твоя любовь.

Голубка села только что на крышу.
Еще в тени крыльцо твоей Муи.
Здесь ты мечтал. Мне кажется, я слышу:
Звенят напевы страстные твои.

Здесь ты стоял, а полдень был дождливый.
Муи косила сено в забытыи.
Ты в хижину ее вступил, счастливый:
Мол, я промок, нельзя ли мне войти?

А по ночам, по крышам, с пандурою,
Как джинн, бродил ты, не боясь упасть.
Порой голубке, голубю порою
Ты изливал тоскующую страсть.

О если, с пандуры сорвав оковы,
С горящих уст — прошедшего печать,
Ты ожил бы, и в день свободный, новый
Свою любовь ты мог бы воспевать!

Ты плакал о цветке недостижимом,
А мы тебе вручили б тот цветок.
Твои глаза, что застигались дымом,
Увидели бы времени поток.

На письменах поэзии народной
Ты, горец, вывел золотой узор.
Ты держишь знамя песни благородной,
Возлюбленный Муи, любимец гор.

Еще о славном мастере в печали
И в трауре аварское перо.
Еще слова любви не зазвучали,
Как у тебя, так нежно и остро.

Ты мост любви построил для народа,
Для юношей воздвиг любви дворец,
А сам скитался ты без права входа,
Гонимый и страдающий певец.

Стальное сердце было у подруги:
Его не сжег огонь любви твоей.
Как удержался тонкий стан упругий
Пред мощной бурей твоих страстей?

Ты стрелами пронзаешь наши души:
Как мягок взлет, а попадает в цель!
Вошли твои слова в сердца и в уши, —
Не знали горы строк таких досель.

Ушел певец, оставив виноградник.
Твой сад — в цвету, твои плоды — в чести:
Пусть начинающий поэт, как всадник,
Помчится к ним, чтоб ветви потрясти!

* * *

В наших сутках есть ларцы,
Их всего двадцать четыре,—
Собираются туда
Нашей совести созданья.
В полночь ясную, когда
Тишина в подлунном мире,—
Отопри их и взгляни,
Каковы твои деянья.

Сколько там ничемных дел,
Сколько важных, настоящих,
Сколько добрых и дурных,
Сколько тусклых и блестящих?
Заслужил ты похвалу
Иль достоин укоризны?
Сколько сделано тобой
Для народа, для Отчизны?

1949

* * *

Салам-алейкум, друг Муртазали,
Ты просишь написать такие строки,
Чтобы они вернуть тебе смогли
Любовь твоей возлюбленной жестокой.

Прости, земляк, но мне не суждено
Помочь тебе ни песней, ни советом.
Я старый стал, я позабыл давно,
Как любят и как пишется об этом.

Не только потому, что стар и слаб,
Я не пишу стихов тебе. Какой бы
Искусной плакальщица ни была б,
Но мать поет правдивей над покойным.

Пойми меня, я строк не берегу,
Но, не зажегшись, не найду я слова,—
Я никогда не мог и не могу
Писать огнем горения чужого.

1950

ИЗ БЛОКНОТА

ЖИЗНЬ

Не ценящий меня, пока не поздно,
Потом, став на колени, молит слезно.
А кто со мной простится раз,— потом
Пути обратно не найдет в мой дом.

ВРЕМЯ

Достойно дни учения цени,—
Не серебром окупятся они.
Не трать напрасно времени избытка:
Миг — драгоценней золотого слитка.

ТРУД

Тому, чья летом не кипит башка,
Зимой нет вскипевшего горшка,
И кто не нажил на руках мозоли,
В рот не возьмет и крошки хлеба-соли.

ВЕСНА

Весна халат зеленый свой надела —
И сразу изошла зима слезами.
Ворота распахнув, тепло влетело,
А горы бурки снега сняли сами.

О БАСНЕ

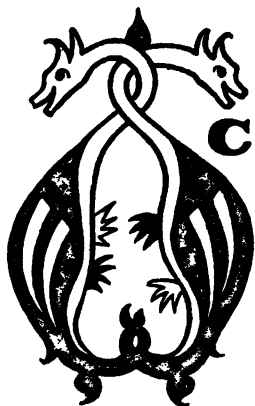
Хоть бессловесны звери все и птицы
И нам лишь человек в пример годится.
Но правды смысл и в птичьей речи ясен:
Ты истину учись черпать из басен.

К БЛОКНОТУ

Как хорошо, что ты со мной, блокнот.
Чтоб радости, сомнения, тревоги
Я поверял тебе, чуть мысль мелькнет,—
Не то — давно бы протянул я ноги!

1950

**БАСНИ
СКАЗКИ**

ДИБИР И ХОМЯК

Жена говорит: «Мне обидно до боли,—
Хомяк обглодал наше скудное поле.
Как стал ты дибиром, прошел целый год,
А что ты имеешь?.. Погиб твой доход!»

Мои волоса поднялись под папахой,
Но выйти на поле решил я без страха.
Схватился за палку, достал я кинжал,
На случай — хозяйство семье завещал.

Сказал я жене: «Жди большого события.
Хочу с хомяком в поединок вступить я.
Он мне надоел. Отплачу я с лихвой.
«Иль смерть, иль победа!» — мой клич боевой».

Пришел на участок — и стало мне больно.
Едва я взглянул, засвистел я невольно:
Ни зернышка не было, ни колоска —
Все стало добычей врага-хомяка.

Дибир

Меня аульчане избрали дибиром,
Меня почитать поклялись целым миром,
Тебя ли кормить обязался народ,—
Зачем же себе ты присвоил доход?

Не ты мусульман просвещаешь молитвой,
Зачем же ты срезал колосья, как бритвой?
Не ты с минарета вопил и орал,—
Зачем же посевы мои ты пожрал?

Меня обобрал ты и справа и слева.
Ты разве трудился во время посева?
Меня не жалея, урон мне нанес.
Ты разве на поле таскал мне навоз.

Найдется управа на всякого вора.
Отныне с меня не возьмешь ты побора.
Ослу надоест непосильная кладь,—
Терпел я, но должен тебя наказать.

К тебе не однажды взывал я с тревогой:
«Я бедный аварец, меня ты не трогай!»
Но знают кругом: не сношу я обид,
Я в гневе ужасен, я зол и сердит.

Грешить не хочу я, но, страшен злодею,
Поставлю кашкан перед норкой твоею,
Чтоб знал ты, какой пред тобой человек.
Свяжу я твой рот,— не разинешь вовек.

Для слабых — бульжник, для сильных ты — вата.
Но будет суровой с тобою расплата.
Для нищих — репье, для богатых ты — мед,
Но мести моей наступает черед.

Со мной повстречавшись, глядишь забиякой,
А сам ты дрожишь перед каждой собакой.
Тебя не пугает моя нищета,
Но разум теряешь, завидев кота.

Хомяк

«Законы судьбы никогда не осилим»,—
Зачем же насильем ты споришь с насильем?
«Веленьям творца покоряется мир»,—
Зачем же на мир ты сердит, о дибир?

Пудами с людей собирая поборы,
Зачем же с судьбою желаешь ты ссоры?
Молитвы читаешь, Коран возлюбя,
Но злишься, едва лишь заденут тебя.

Народ, если станешь ты злиться, быть может,
Не только меня — и тебя уничтожит.
С тобою мы участь избрали одну,—
Зачем же свалил на меня ты вину?

Супруга твоя, рассердившись напрасно,
Серпом обожгла мою спину ужасно.
И ты перед норкой сидишь у межи,
Грозишь мне... но где твоя совесть, скажи?

Таким же, как ты, я родился животным,
Жующим и пьющим, совсем не бесплотным,—
Иль должен я с палкой, как нищий, ходить,
С младенцами в поисках пищи бродить?

Едва просышаюсь в рассветной прохладе,
Кота нахожу перед норкой в засаде;
Когда же заката горит полоса,
Вокруг меня жадная ходит лиса.

Иной человек, как и ты, боссердечный,
Ловушку поставит,— я гибну, бесчеловечный,
Иные с лопатой придут поутру,
Разграбят запасы, разрушат нору.

Иные нору заливают водою,
И тонут детишки,— знаком я с бедою!
Порою со всех окружают сторон,—
Без выхода я голодать обречен.

О люди, как тяжело мне жить с вами рядом!
Даете мне ватные шарики с ядом,
Камнями и палками бьете меня,—
Ни разу не знал я спокойного дня.

Ты сам посуди: если б не был я нищим,
Избрал бы я эту землянку жилищем?
Я сплю на колючках, мне жить невтерпещ...
Дибир, ты мучений моих не поймешь!

На поле твоём я кормился пшеницей,—
Людей обобрал, ты получишь сторицей;
Не то я погибну в норе через год,
И новый дибир будет грабить народ.

1915

СЛОН И МУРАВЕЙ

Дождик хлынул навесной,
Зной слегка утомонился,
Пировал народ лесной:
Заяц как-никак женился!

От закусок, снеди, вин
В этот день столы ломились.
Тост был поднят не один,
Шумно гости веселились.

Свадьба мирно бы прошла,
Но, мешавший с водкой пиво,
Вылез слон из-за стола,
Хобот свой задрал спесиво.

«Выходи,— раздался бас
Над поляною лесною,—
Кто помериться из вас
Может силою со мною?»

Настроение гостей
Резко снизилось при этом.
Вдруг выходит муравей:
«Слон, прощайся с белым светом!»

Засмеялся слон: «Нельзя
Приступить ли к поединку?»
И втянул он муравья
В хобот, будто бы пылинку.

Муравей того и ждал:
Не моргнувши даже бровью,
Он в четыре лапки стал
Щекотать ноздрю слоновью.

Отрезвевший, чуть живой,
Слон, поднявший рев и топот,
Дул, мотая головой,
Как в трубу, в огромный хобот.

А потом через кусты
Побежал, кипя от злости.
«Эй, герой, куда же ты?
Струсил!» — вслед кричали гости.

У слона — так мчался он —
Даже пересохло в глотке.
Рухнул вскоре грозный слон
От насмешек и щекотки.

А бесстрашный муравей,
Что слона сразить был в силе,
Возвратился в круг гостей,
Где его перевозносили...

Вот о чем веду я речь:
Пред букашкой малосильной
От зазнайства может лечь
Слон доскою молотильной.

ДЕЛЕЖ

Раз охотиться пошел
Лев с лисой и волком вместе.
Лань, зайчишка и осел
Были сражены на месте.

Серый волк по просьбе льва
Стал делить добычу смело:
«Проще, мол, чем дважды два,
Для меня такое дело».

Льву осла он преподнес,
Соразмерно с львиной мерой,
Зайца — ткнул лисе под нос,
Лань — себе оставил серый.

Но за это по башке
Лев его ударил молча,
И, как мяч, невдалеке
Голова упала волчья.

Лев сказал: «Покойный волк
Не сумел решить задачи.
Свой, лиса, исполни долг —
Ты реши ее иначе!»

«О почтенный царь зверей,
Серый вел себя постыдно,
Был он мелочным, ей-ей,
Что делить здесь — мне не видно!

Вам на завтрак, спору нет,
Этот зайчик будет нужен.
Закусив ослом в обед,
Лань съедите вы на ужин.

Я в решении своем
К справедливости стремилась...»
«Кто тебя таким умом
Одарил, скажи на милость?»

Поглядев на лапы льва,
Тихо молвила плутовка:
«Ум дала мне голова,
С волка снятая так ловко».

1940

СКАЗКА О ЗАЙЦЕ И ЛЬВЕ

1

Было ли, не было это
В крае, красивом и сильном,
Реками синего цвета,
Яствами, дичью обильном?

Лев, слывший всюду героем,
Был повелителем края,
Он занимался разбоем,
Жителей уничтожая.

Крупные, малые звери —
Все перед львом трепетали.
Так были страшны потери,
Что их считать перестали.

Звери, лишившись терпенья,
В скорби собрались великой
И, попросив разрешенья,
Молвили перед владыкой:

«Вот мы собрались в печали —
Зверь, насекомое, птица.
Хан милосердный! Нельзя ли
С просьбой к тебе обратиться?»

Стыдно нам, совестно стало:
Ты, покидая жилище,
Должен метаться, усталый,
Вечно заботясь о пище.

Вот если хан согласится —
Дух твой да будет в покое! —
Зверь, насекомое, птица,
Мы предлагаем такое:

Каждые сутки по зверю
Ты получаешь в угоду,
Но возмести нам потерю,
Дай нам за это свободу...»

Лев, изъявляя согласие,
Дело скрепил договором.
Звери ушли восвояси,
Славя властителя хором.

Так, сокрушаясь душевно,
Звери, верны договору,
Жертвой своей каждодневной
Льва насыщали, обжору.

Вышло однажды, что зайца
Доля отметила злая.
Загоревал он, признаться,
Кушаньем стать не желая.

Чешет затылок зайчишка:
Страшно идти к мироеду,
Хитрый собрал он умишко,
И... опоздал он к обеду.

Вздыбился лев раздраженный,
Шерсть его злобою пышет.
Прыгнуть готов, разъяренный.
Что же от зайца он слышит?

«Выслушай, хан, не терзайся!
Жалуюсь на произвол я.
Самого жирного зайца
В дар от зверей к тебе вел я.

Мчались в твою мы обитель,
Чтобы ты зайца отведал.
Вдруг — видим льва. И грабитель
Зайцем твоим пообедал.

Я убеждал его жарко:
«Вы, чужестранец, не правы!
Не отнимайте подарка
Хану звериной державы!»

Так говорил я злодею.
Что же посмел он сказать мне?
«Я этим краем владею,
А на других — наплевать мне.

Каждая тварь мне покорна,
Твой господин — самозванец...»
Нет, повторять мне заorno,
Что говорил чужестранец!..»

Лев, помышляя о мести,
С зайцем отправился, мрачный.
Вот приближаются вместе
К озеру с влагой прозрачной.

Сердится лев раздраженный,
В озеро глянул владыка —
В озере лев отраженный
Сердится злобно и дико.

Этакой дерзости сроду
Лев не терпел. Зарычал он,
Бросился в ярости в воду —
И утонул, и пропал он.

2

Звери, проведав о смерти
Жадного льва, поспешили
Сходку созвать и — поверьте! —
Праздник веселый открыли.

С шутками, с радостным смехом
Шли они с севера, с юга
И с небывалым успехом
Все поздравляли друг друга.

Мчались полями, лесами,
Точно река в половодье.
Зайцы спешили с лисами,
Радуюсь милой свободе;

Шли муравьи поколонно
Пять или шесть поколений;
Туры впряглись в фургоны,
А на фургонах — олени;

Род появился кошачий,
В бархат и шелк разодетый;
Птицы — скромней, но богаче:
Серьги на них да браслеты;

Старая, с клювом, с когтями,
Крашенными кармином,
С пудренными щеками,
Села сова за пьянино.

Прибыло сусличье войско
С музыкой духовою.
Мыши с отвагой геройской
Тигра ввели за собою.

К сусликам скоро примкнули
В замшевых туфлях лягушки,—
Зонтики и ридикюли
Не позабыли толстушки.

Заяц, добывший свободу,
На фэетоне примчался
И, показавшись народу,
Кланялся и улыбался.

Матушка зайца стояла
Возле слона-исполина
И, торжествуя, сияла,
Гордая подвигом сына.

Танцы открыла зайчиха.
Начались игры и пляски,
И с черепахою лихо
В бубны ударили ласки.

Птицы, легки и крылаты,
Пели с уменьем и чувством,
А пауки-акробаты
Всех поражали искусством.

В дудку дудели фазаны,
Весело мухи толпились,
И на ветвях обезьяны
Прыгали и кружились.

Осы играли на флейте,
И, подмигнув обезьянам,
С криком: «Играйте и бейте!»
Еж прискакал с барабаном.

Начал накрапывать дождик,
Вечер сошел на долину.
Тут появился художник
И срисовал всю картину.

1940

ОСЛИЦА И ВОЛ МАГОМЫ

Мне рассказывала бабка о событии таком:
Магома владел в ауле и ослицей и волом.
Работящею ослица и прилежною была,
Вол замучен был работой, говорил, что тяжела.

Обратился вол к ослице: мол, яви мне доброту,
Дай совет, как не работать, труд мне стал немоготу.
«Можно хворым притвориться»,— говорит ему ослица.
Вол поверил,— есть не стал он, стонет, слышно за версту.

Магома — так говорили — был всеведущий старик:
Понимал язык воловий и ослиный знал язык.
И, посмеиваясь тихо: «Не такой уж я простак»,—
Он вола оставил дома, а ослицу он запряг.

Целый день с утра до ночи Магома на ней пахал.
Не давал ей передышки, беспощадно погонял.
Злополучная ослица стала горько причитать,
Хитроумные советы зарекаясь подавать.

Под конец она охрипла, хоть крикливою была;
От усталости шатаясь, еле в стойло прибрела,
Завалилась на солому... К ней пришел наш вол знакомый,
В благодушном настроенье он спросил: «Ну, как дела?»

И ответила ослица, зря своих не тратя слов:
«Заболела я болезнью, неизвестной средь ослов;
Волновать тебя не стала б — я умру без слез и жалоб,

Но тебя предупреждаю — к грустной вести будь готов».
Вол попятился с испуга, услышав про эту весть,
А ослица продолжала: «Вах! Зачем ты бросил ость?
Магома в большой тревоге: вол вот-вот протянет ноги,—
И решил на живодерку поутру тебя отвесть.

Наши спутались расчеты, мой совет был на беду,
Принимайся за работу, налегай-ка на еду!»
Растревоженный, смятенный, навсегда отбросив лень,
Вол с усердием завидным все подряд жевал весь день.

Взяв березовую палку, усмехнулся Магома:
Наказание ослица заработала сама.

1940

КТО СЛУШАЕТСЯ БРЮХА, ТОТ ГОЛОВУ ТЕРЯЕТ

Жила-была собака.
Шатаясь на рынке,
Она являлась первой
На свадьбу, на поминки.

Она роняла слюнки,
Чуть где дымком потянет.
Везде она проникнет
И что-нибудь да стянет.

На бубны, их заслыша,
Летит подобно пуле,
Гремят они в своем ли,
В соседнем ли ауле.

Все праздники собака
Прекрасно различала.
Чуть праздник где — собака
Туда стрелою мчала.

Приметивши, к какому
Она привычней знаку,
Решили в двух аулах
Перехитрить собаку.

И пот зумил и бубнил
Забил вперемежку.
Пустелась собака
В сплошную перебежку.

Бьют вперемежку бубны
С одной, с другой сторонки,—
Измаялась собака
От непрерывной гонки;

От жажды у собаки
Утроба пересохла.
Свалилась собака
И к вечеру издохла.

Но мертвая горюха
В сознание нам внедряет:
«Кто слушается брюха,
Тот голову теряет».

1940

МУЛЛА И ОБМАНЩИКИ

Хитрый не богатеет, если нет дураков.
(Аварская народная пословица)

В базарный день, купив козу к Курбан-байраму,
Муллу повел ее домой. Вдруг — чудеса!
Трех путников нагнав, он услышал: «Я сраму
Такого не видал: мулла — и тащит пса!»

«Паршивого, к тому ж. Пса этого, бродягу,
Я знаю. Псы-бродяги — злы.
Пес этот искусал намедни Махтумагу
И — подозрительно! — не трогает муллы».

«Пес оскверняет твой халат! Эх ты, неряха,
Какой же ты мулла? Святей из нас любой».
«Тот, кто не моется,— не признает аллаха.
Псов правоверные не водят за собой!..»

Поверив путникам, мулла с великим страхом
Взмолился пред аллахом,
Чтоб отвести его грозу,
И — отпустил козу.

Он дома свой халат обмазал глиной,
Чтоб от него не отдавало псиной.

Коза мемеркала вдали:
Ее обманщики с собою увели!

1940

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

Один прославленный народом зодчий
(Была его заслуга велика)
Для хана выстроил дворец чудесный,—
Он кровлей уходил за облака.

Обрадованный хан созвать изволил
На пиршество великое народ.
На том пиру оленей подавали,
Из кранов бил хмельной фонтан щедрот.

И мастера позвал властитель щедрый,
Привел его к своей казне в подвал,
Открыл и жемчуга и самоцветы.
«Бери, что сможешь унести!» — сказал.

Но червь тщеславья точит человека,—
Набив мешки, строитель так изрек:
«Владыка, ты велик, но что ты можешь,
Бессильный царь, поставить мне в упрек?»

Хан был безмолвен. Зодчий похвалялся,
И за двоих он говорил вдвойне:
«Дворец твой рухнет, если выну камень,
А вот какой,— известно только мне!..»

Хан, промолчав, тогда с вином дал яду
Болтливому, и тот навек замолк.
На водчего мы разве не похожи?
Язык наш губит нас, как лютой волк.

1941

ЛИСИЦА И ЛИСЕНОК

Жила-была лисица —
Беззуба, стара, больна.
На промысел водила,
Учила лисенка она.

Однажды от злой простуды
Занемогла вконец,—
Ушел на охоту лисенок
Один в дремучий лес.

Бродя, он увидел зайца:
Беспомощен, сиротлив,
Лежал пластом несчастный,
От голода чуть жив.

Лисенку жалко зайца.
Вблизи, в тиши лесной,
Задумался он, горюя,
Над заячьей судьбой.

Вдруг, волоча добычу,
Пришел могучий лев.
Насытился лев, остатки
Дал зайцу, его пожалев.

К остаткам львиным заяц
Дополз едва-едва;
Хоть не по нутру, грызет их,
Восславив щедрость льва.

В раздумье малыш немедля
Вернулся к себе в нору
И все рассказал лисице,
Что видел поутру:

«К чему же наша охота,
Заботы наши теперь,—
Ведь есть аллах милосердный
И лев — добродетельный зверь?!»

Тогда озлилась лисица:
«Не смей и помыслить так! —
И за уши несмысленка
Отдрала в сердцах.—

Не будь подобен зайцу,
Надеясь на милость льва,—
Будь львом на зависть зайцам,
Дурная ты голова!»

1945

ВОР-ПРИМИРИТЕЛЬ

Толки меж людьми пошли:
Третий месяц, говорят,
Разговаривать с Али
Не желает Шахрузат.

Их мирили все друзья.
И упрямо всем подряд:
«Не хочу мириться я!» —
Отвечала Шахрузат.

Но однажды в час ночной
Спал Али, а Шахрузат,
Сидя к спящему спиной,
На луну бросала взгляд.

Вдруг услышала она
Странный шум снаружи. Глядь:
Кто-то форточку окна
Стал тихонько открывать.

«Вор!..» Не помня ничего,
К мужу бросилась жена,
Жарко обняла его.
«Друг, проснись!» — зовет она.

«Вай, Шахру, моя любовь!
Явь ли это или сон?
Ты со мной, родная, вновь!» —
Прошептал, счастливый, он.

«Ох, молчи, Али, молчи!
Хочет вор залезть к нам в дом.
Встань с постели, закричи,
Разбуди народ кругом!»

«Пусть скорее я умру,
Чем исполню твой приказ.
Поцелуй меня, Шахру,
Обними еще хоть раз!

Эй! Клади к себе в мешок
Все, что хочешь, дорогой:
Ты один на свете смог
Помирить жену со мной!»

1946

БАТЫР И ХАБИР

Жил хан — какого, не припомню, ханства.
При нем жил воин. Хан был не большой,
Но чванный, и дожил с ним воин чванство —
Хабиру льстило ханским быть слугой.

Был у Хабира друг, страной далекой
Похищенный, увы! Велик наш мир,
И сердце не всегда в согласье с оком:
Давно в разлуке с другом был Хабир.

По вот одпажды на охоте с ханом
Хабир нежданно друга повстречал:
Коренья трав, укрывшись под платаном,
Бедняк жевал. Батыра друг обнял, —

Узнал его и в нищепском он виде.
Однако, чтобы хану подольстить,
Сказал: «Батыр! Обед твой незавиден!
Иль мало ханов, некому служить?»

Когда б служил ты, хану угождая,
Как я, имел бы вдоволь ты еды:
Баранам и оленям подражая,
Травой кормиться не было б нужды!..»

Но посрамил льстеца батыр ответом:
«Не глупо ль счастье измерять едой?
Я плохо ем, но не тужу об этом,
Доволен я, Хабир, своей судьбой.

Не лучше ль с бедностью, с нуждой быть в дружбе,
Жить не в дворце, а под простым шатром
И быть свободным, чем на ханской службе,
Едою тешась, стать, как ты, рабом?..»

1946

РЕВИЗИЯ ХОМЯКА

Медведь, кабан, лиса и заяц
И прочий мир лесной, звериный
Сошлись, решив идти артельной
Дорогой честного труда.

Посеяли пшеницу дружно,
Выхаживали дружно всходы,
Скосили хлеб, заскирдовали,—
Ура! Закончена страда!

Кому же поручить охрану
Общественного достоянья?
На этот пост хомяк был избран,—
Ему доверена скирда!

Теперь домашними делами
Все звери занялись усердно,
А хомячок наш толстопузый
Стал под скирдою рыть хода.

Работал он тайком, конечно,
Подземные амбары строя,
И хлеб из той скирды артельной
Бессовестно сыпал туда.

И вдруг — ревизия! Кто б думал!
Ведь этакая недостача!
Хомяк под следствием! И вот уж
Доходит дело до суда!

А кто судья? Ах, всем известно,
Что хомяку свояк он близкий:
Пошли отсрочки, проволоочки,—
Ну, а хомяк? Да не беда!

Судья, знакомясь с обвиненьем,
Нашел, что основанья шатки.
Был новый ревизор назначен —
Плут и мерзавец — хоть куда!

Поток нечестных показаний
И лживых справок бурно хлынул,
И омерзительнейше пахла
Лицеприятная бурда!

Грызун не только за хищенья
Не пострадал,— еще вдобавок
Он получил зерна: питанье
Усилить нужно в холода!..

Пожалуй, на меня в обиде
Останется хомяк почтенный,
Но полагаю, прав был первый
Из этих ревизоров. Да!

Я б не сказал, что так уж много
Людей с повадкой хомячьей
Встречал я в наши дни, однако —
Еще встречаю иногда.

ВОЛК И КОЗА

Изловчилась коза и однажды
забралась на высокую крышу.
Видит волка, бредущего мимо,
и ругает его неустанно.
Волк, сердито мотнув головою,
отвечает ей, ругань услышав:
«Не твоя это смелость, а крыши,
до которой, увы, не достану...»

1950

СЛОВАРЬ

Адат — старинный обычай, свод народных обычаев и правовых норм у мусульман.

Буза — хмельной напиток.

Годекан — место, где собираются в свободное время мужчины на беседу (на площади, в старину — у мечети).

Дибир — духовное лицо, исполняющее также должность судьи.

Калам — перо.

Каямат — день Страшного суда и воскресенья из мертвых по религиозным представлениям.

Кенги — теплая обувь.

Кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей.

Кутаны — зимние пастбища.

Меджлис — собрание, съезд, совет.

Палас — домотканый, безворсный шерстяной ковер.

Пандура — музыкальный инструмент.

Салам — привет.

Сардар — наместник, правитель.

Суфий — твердый в вере, набожный человек.

Узден — свободный крестьянин.

Хинкал — национальное блюдо, род галушек с мясом.

Хурджини — ковровые переметные сумы.

Чарыхи — обувь из сыромятной кожи.

Чембур — длинный повод уздечки.

Чонгури — струнный музыкальный инструмент.

Чохто — старинный женский головной убор в виде высокой подушки, набитой шерстью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Наталья Капиева. Об авторе этой книги</i>	3
СТИХИ	
<i>Моя жизнь. Перевод С. Липкина</i>	17
<i>Стихи о харчевне. Перевод С. Липкина</i>	26
<i>Махач Дахадаев. Перевод С. Обрадовича</i>	30
<i>Радиомачта на сакле соседа. Перевод С. Липкина</i>	31
<i>Чохто. Перевод С. Липкина</i>	34
<i>Слово о кровной мести. Перевод Т. Стрешневой</i>	37
<i>Речь старухи в день 8 марта. Перевод А. Адалис</i>	42
<i>Разговор с кинжалом. Перевод В. Державина</i>	46
<i>Обычай гидатлинцев. Перевод Я. Козловского</i>	49
<i>Протокол. Перевод Н. Гребнева</i>	51
<i>Обращение газеты «Горец» к читателям. Перевод Д. Голубкова</i>	54
<i>«Убита куропатка белоснежная...» Перевод Д. Голубкова</i>	56
<i>Песня о гибели моего коня. Перевод В. Левика</i>	59
<i>Ссора. Перевод А. Глобы</i>	61
<i>Отец и сын о строительстве дорог. Перевод Я. Козловского</i>	63
<i>Новые зубы. Перевод Т. Стрешневой</i>	65
<i>В Москву, товарищу. Перевод Я. Козловского</i>	68
<i>У Мавзолея Ленина. Перевод Н. Асеева</i>	69
<i>О рабочем классе (Побывав в Москве на Автомобильном заводе). Перевод К. Алтайского</i>	71
<i>Письмо лошади хунзахского райсобеса Гамзату Цадасе. Перевод Л. Пеньковского</i>	73
<i>На стойбище горных духов. Перевод В. Погановой</i>	76
<i>Что сделали с моей бедной песней! Перевод Я. Хелемского</i>	79
<i>Жалоба сохи. Перевод Н. Гребнева</i>	81

Стихи о теплой зиме. Перевод В. Казина	83
О дружбе с оглядкой. Перевод С. Липкина	84
Застольная песня. Перевод Н. Тихонова	85
Памяти Сулеймана Стальского. Перевод Н. Гребнева	87
О друге Сулеймане. Перевод Д. Голубкова	89
Ответ молодому поэту. Перевод Я. Козловского	90
На могиле Коста Хетагурова. Перевод Д. Голубкова	92
«Лучами глаз твоих я ослеплен...» Перевод Д. Голубкова	93
Когда передали по радио о награждении Гамзата... Перевод П. Шубина	94
«Волчье ущелье» (Когда Гамзату пришлось провести ночь под открытым небом в ожидании машины). Перевод Ю. Нейман	95
Письмо семье из Москвы. Перевод Л. Пеньковского	96
Водопровод в ауле Цада. Перевод Л. Пеньковского	98
Книга. Перевод Д. Кедрина	100
Жизнь и родина. Перевод В. Погачевой	101
За Москву! Перевод Л. Пеньковского	103
Колыбельная песня (Дедушка — первой внучке). Перевод Ю. Нейман	104
Маленькой Пати. Перевод Я. Козловского	106
Салют. Перевод В. Погачевой	108
Из выступления на вечере, посвященном пятидесятилетию творческой деятельности. Перевод Я. Хелемского	110
Слово овцы к двуногому волку. Перевод Л. Пеньковского	111
Новому году. Перевод П. Шубина	113
Шамиль. Перевод С. Липкина	115
Октябрь. Перевод Н. Гребнева	117
В день моего семидесятилетия. Перевод Н. Гребнева	118
Жалоба моей жены. Перевод Я. Козловского	119
Старость — молодость. Перевод Н. Гребнева	121
Разговор между колхозником Хочбаром и председельсовета Али. Перевод Н. Гребнева	123
Сплетня. Перевод Я. Козловского	126
Моей бедной пьесе. Перевод Н. Гребнева	128
Старость и болезнь. Перевод Л. Пеньковского	129
Разговор со старостью. Перевод Я. Козловского	131
Из цикла «Уроки жизни». Перевод Я. Козловского	
«На рынках закон существует издревле...»	133
«Всему своя мера. И должен, к примеру...»	133
«На юношу смотрю не без надежды...»	133
«Того, кто тянется к низам...»	134

За мир! <i>Перевод Я. Козловского</i>	135
Мир сильнее войны. <i>Перевод С. Липкина</i>	136
Ленин. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	138
Пушкину (К 150-летию со дня рождения). <i>Перевод С. Липкина</i>	139
Поэту Махмуду. <i>Перевод С. Липкина</i>	141
«В наших сутках есть ларцы...» <i>Перевод С. Липкина</i>	143
«Салам-алейкум, друг Муртазали...» <i>Перевод Н. Гребнева</i> . . .	144
Из блокнота. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	
Жизнь	145
Время	145
Труд	145
Весна	145
О басне	146
К блокноту	146

БАСНИ. СКАЗКИ

Дибир и хомяк. <i>Перевод С. Липкина</i>	149
Слон и муравей. <i>Перевод Я. Козловского</i>	153
Дележ. <i>Перевод Я. Козловского</i>	155
Сказка о зайце и льве. <i>Перевод С. Липкина</i>	157
Ослица и вол Магомы. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	163
Кто слушается брюха, тот голову теряет. <i>Перевод Д. Бедного</i>	165
Мулла и обманщики. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	167
Язык мой — враг мой. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	169
Лисица и лисенок. <i>Перевод С. Обрадовича</i>	171
Вор-примиритель. <i>Перевод Я. Козловского</i>	173
Батыр и Хабир. <i>Перевод А. Глобы</i>	175
Ревизия хомяка. <i>Перевод Я. Пеньковского</i>	177
Волк и коза. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	179
<i>Словарь</i>	180

Гамаат Цадаса
СТИХИ. БАСНИ. СКАЗКИ

Редактор А. Кафанов
Художественный редактор
Г. Кудрявцев
Технический редактор Ж. Примак
Корректоры Р. Пунга,
А. Юрьева

Сдано в набор 20/V 1966 г.
Подписано в печать 26/X 1966 г.
Типограф. бум. № 1.
Формат 70×108¹/₃₂.
5,75 печ. л. — 8,05 усл. печ. л.
5,41 уч.-изд. л. + 1 вкл. — 5,45 л.
Тираж 10 000. Зак. 802.
Цена 46 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19.

Киевская книжная ф-ка «Октябрь»
Комитета по печати при Совете
Министров УССР
Киев, Артема, 23-а.

4570.